

Н. П. Окунев

В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ

Дневник
МОСКОВСКОГО
ОБЫВАТЕЛЯ
1914–1924

 КУЧКОВО ПОЛЕ
издательство

Москва
2020

УДК 94(470-25)
ББК 63.3(2) 5-6
О-53

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА ПРАВИТЕЛЬСТВА МОСКВЫ
Выпуск издания осуществлен при финансовой поддержке Департамента
средств массовой информации и рекламы города Москвы

Рецензенты:

Кандидат исторических наук, доцент РГГУ *Павел Алексеевич Кюнг*
Кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой туризма и культурного наследия РосНОУ,
член Союза писателей, действительный член Национальной академии туризма России
Александр Иванович Фролов

Окунев Никита Потапович

О-52 В годы великих потрясений: Дневник московского обывателя 1914–1924 / вступ. ст. К. А. Залесского и П. Иванова; коммент. и указ. К. А. Залесского. — М.: Издательство «Кучково поле», 2020. — 976 с.; 8 л. ил.

ISBN 978-5-907171-20-6

Дневник московского обывателя — один из самых известных мемуарных источников по истории Москвы на ее историческом переломе (1914–1924 гг.). В свое время появление фрагментов этих воспоминаний произвело чуть ли не переворот в отечественной мемуаристике. В данном издании впервые представлен полный текст дневников, до сих пор хранившийся в семье потомков Н. П. Окунева. Внимательный бытописатель, автор тщательно фиксирует происходившие события, рисуя яркую картину тех поистине кардинальных перемен, которые в эти годы уничтожили Старую Москву и создали Новую. Дневник Окунева — это одна из ярчайших иллюстраций Москвы эпохи Великих потрясений.

Для всех, интересующихся историей Москвы и России начала XX в.

УДК 94 (470-25)
ББК 63.3(2) 5-6

ISBN 978-5-907171-20-6

© Васильева Г. В., текст, иллюстрации, 2020
© «Издательство «Кучково поле», 2020
© ООО «ИКС-ИСТОРИИ», макет, 2020

Содержание

Свидетельство стороннего наблюдателя.	7
Семейство Окуневых на фоне истории России	18
Русская система мер и денежные единицы	25

ДНЕВНИК МОСКОВСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ. 1914–1924

Четырнадцатый год	31
Пятнадцатый год	66
Шестнадцатый год	121
Семнадцатый год	164
Восемнадцатый год	308
Девятнадцатый год	461
Двадцатый год	542
Двадцать первый год	668
Двадцать второй год	789
Двадцать третий год	856
Двадцать четвертый год	881
Приложение	894
Список использованных аббревиатур	900
Список использованных сокращений	901
Аннотированный именной указатель	902

Свидетельство стороннего наблюдателя

Значение того, что вы сейчас держите в руках эту книгу, переоценить невозможно. В свое время появление фрагментов из воспоминаний Н. П. Окунева произвело чуть ли не переворот в отечественной мемуаристике, и вот наконец выходит полное издание его дневников, охватывающих целое десятилетие. Причем какое десятилетие! Наверное, самое сложное и противоречивое в Новейшей истории нашей страны, да и всего мира — с 1914 по 1924 г. Впервые дневники Окунева издаются с подробными научными комментариями и обширным аннотированным именованным указателем. Предыдущие публикаторы отдельных частей дневника ограничивались небольшими предисловиями, бросая читателя буквально на произвол судьбы: пусть сам разбирается в неточностях, ошибках и противоречиях, свойственных любому мемуарному источнику. Теперь, наконец, знаменитый «дневник москвича» приобрел законченную форму. Правда, для этого понадобилось более 30 лет...

К книге Окунева в полной мере можно отнести приписываемую Конфуцию фразу: «Не дай Вам Бог жить в эпоху перемен». И пусть это не Конфуций, да и, скорее всего, не древнекитайская мудрость, но эти слова довольно точно отражают всю сложность, всю противоречивость периода, описанного в дневниках. Так получилось, что свой дневник Окунев начал вести в первый день Первой мировой войны — что-то подсказало простому московскому обывателю, что он оказался свидетелем чего-то очень важного, очень большого, того, что он сам пока не может понять. В этом и заключается колоссальная заслуга автора: оказавшись очевидцем великих событий, он сделал то, что мог, на что хватало его сил и талантов, — стал фиксировать происходящие события. В результате Окунев совершенно сознательно, отдавая полный отчет о том, что делает, взвалил себе на плечи очень тяжелую ношу. В какой-то момент он отметит в своем дневнике: «Эти записки, единственное, кажется, мое

состояние» (от 12 января 1918 г.). По собственной воле он стал бытописателем, хроникером великой исторической пракатастрофы, которая, по одной из довольно распространенных сегодня на Западе исторических теорий, является тем событием, что стало исходной точкой для всех последовавших затем катастрофических потрясений, изменивших саму картину мира. Той самой пракатастрофой, которая в конце концов и определила, в каком мире мы с вами сегодня живем. Не будь ее, другой была бы и окружающая нас реальность. Не будь ее, кто знает, говорили бы сегодня о конце в 1918 г. «долгого XIX века»¹ и начале новой мировой эпохи.

Впервые концепт «пракатастрофы XX века» (*Urkatastrophe des 20. Jahrhunderts*) озвучил в 1979 г. американский дипломат Джордж Ф. Кеннан (1904–2005), но наиболее широкое распространение получила она в немецкой историографии. В отношении России Первая мировая война увязывается с событиями 1917 г.: свержением монархии (Февральская революция) и захватом власти большевиками (Октябрьская революция), что в свою очередь влечет за собой начало крупномасштабного социального эксперимента и Гражданскую войну. Эти события изменили не просто условия существования, они изменили само общество. Произошла деформация его высших гражданских ценностей, изменилась его структура.

Подобные потрясения вселенского масштаба, конечно же, не могли не вызвать всплеска мемуарной литературы: очень многие участники событий посчитали необходимым зафиксировать свое отношение к происходящему. Как следствие: огромный пласт интереснейших исторических источников, только библиография которых может занять не одну книгу. Но и среди них дневники Окунева стоят особняком. Их невозможно сравнить с воспоминаниями непосредственных участников событий — генералов А. И. Деникина и П. Н. Врангеля, социал-демократа Н. Н. Суханова (Гиммера) или советского военачальника В. А. Антонова-Овсеенко^{II} и многих, многих других. Во-первых, никто не смог охватить столь обширный исторический период (целых десять лет), а во-вторых, в отличие от генералов, министров, наркомов, краскомов и др. Окунев был неангажированным наблюдателем.

^I Популярный в исторических кругах термин «долгий XIX век» был введен британским историком Эриком Хобсбаумом. Он рассматривал XIX в. не как чисто формальный отрезок времени, а как историческую эпоху, начавшуюся с Великой французской революции (1789 г.) и продлившуюся до конца Первой мировой войны (1918 г.), а завершившуюся уходом в прошлое великих империй. — Здесь и далее в статье примечания автора.

^{II} Деникин А. И. Очерки русской смуты. Т. 1–5. Париж: Берлин, 1921–1926; Врангель П. Н. Записки. Ч. 1–2 // Белое дело. Кн. 5–6. Берлин, 1928; Суханов (Гиммер) Н. Н. Записки о революции. Т. 1–7. Берлин, 1922–1923; Антонов-Овсеенко В. А. Записки о Гражданской войне. Т. 1–4. М., 1924–1933.

И в этом главное отличие его дневников от мемуаров известных политиков и военных: последним было необходимо объяснить, а иногда и оправдать собственные поступки, озаботившись тем, как они будут выглядеть в глазах потомков. У Окунева же подобной необходимости не было: он просто фиксировал происходящее. Конечно, он имел свои политические взгляды, эмоционально реагировал на происходящее — он был живым и неравнодушным человеком, ничего общего не имевшим с беспристрастным хронистом. Но главное — он не старался творить историю (3 декабря 1917 г. он записал: «В Москве произошла манифестация в защиту Учредительного собрания. Я на улицу не выходил и сам ничего не видел»), а просто записывал события. Следовательно, ему не нужно было ни в чем оправдываться, не нужно было пытаться убедить будущего читателя в своей точке зрения. В этом и заключается огромная ценность его дневника.

Если бы подобный дневник взялся писать представитель любого другого социального слоя Российской империи, у него бы не получилось настолько искреннего и настолько объективного произведения. Создается впечатление, что Николай Потапович Окунев стал идеальным хронистом Великой катастрофы: аристократ или фабрикант посыпал бы голову пеплом и клеймил большевиков последними словами, сторонники новой власти восторгались бы достижениями первого в мире рабоче-крестьянского государства. Он же был крестьянским сыном, но уже не крестьянином, состоятельным человеком, но не собственником-капиталистом, человеком образованным, но не интеллектуалом, смекалистым и сметливым управленцем, но не аналитиком.

Автор дневника родился в селе Ново-Спасском Жаровской волости Покровского уезда Владимирской губернии 20 сентября 1868 г., то есть к моменту написания дневника ему минуло 45 лет. Его родители были крестьянами, мало того, крестьянами крепостными, но сам Никита родился уже свободным человеком, поскольку крепостное право к моменту его рождения вот уже семь лет как было отменено. Семья была для крестьянской не слишком большой: у Никиты были еще брат и сестра, позже, горюя о смерти своей матери, он запишет (7/20 февраля 1918 г.), что «Господь благословил ее очень большим потомством: 2 сына, дочь и по прямой линии 15 внучат и 11 правнуков обоего пола, из коих старшему уже 16 или 17 лет»¹. В своих записках Окунев мало останавливается на своем прошлом, лишь однажды (29 декабря 1917 г.) он более-менее подробно описывает свои детские годы, как он «ел суровую пищу»: «...и копейный пряник был для меня таким же лакомством». Пересказывать этот сюжет не имеет смысла — проще открыть соответствующую

¹ Более подробно о семье, предках и потомках автора дневника см. помещенную в этой книге статью его праправнука протоиерея Петра Иванова.

щую страницу этой книги, — здесь лишь кратко остановимся на основных этапах жизни Н. П. Окунева.

Отец его уже в 1870 г. оставил малую родину и переехал в город, где организовал небольшую транспортную контору. Таким образом, Никита вырос уже не крестьянином, а предпринимателем. Получил он и соответствующую подготовку: в 15 лет начал работать «мальчиком» на отцовском предприятии, а с 1885 г. он уже разъезжал по ярмаркам для закупок товара. Так он изъездил всю Россию, даже добрался как-то до Симбирска. Поскольку работа его была связана с постоянной перепиской, бухгалтерией и т. д., и т. п., Окунев рано начал заниматься самообразованием, пристрастился к чтению и в результате превратился в достаточно образованного человека: он прекрасно мог выражать свои мысли на бумаге, писал грамотно, почти без ошибок, хорошим слогом и имел прекрасный почерк — сегодня мы можем сказать, что это его качество сильно облегчило работу с его рукописными дневниками.

Однако по стопам родителя Никита не пошел: он не стал частным предпринимателем. Вместо этого он избрал для себя карьеру наемного высокооплачиваемого профессионала. Опыт постоянных разъездов по России привел его к выводу, что наиболее активно в будущем будет развиваться инфраструктура, транспорт, а при огромной территории Российской империи одно из самых перспективных направлений — речной транспорт. Поэтому в 1899 г. он принял предложение пароходного общества «А. А. Зевеке», став его агентом, то есть представителем, в Москве. С этого момента вся его трудовая деятельность была связана с Волгой — одной из крупнейших транспортных артерий европейской части России. С годами Окунев рос по службе и, наконец, 1 февраля 1911 г. возглавил Московскую контору пароходного общества «Самолет». Здесь он и проработал до наступления советской власти. Таким образом, Никита Потапович к 1917 г. был уважаемым и авторитетным человеком, не чуждым культуры — он был известным театралом и книголюбом, владельцем приличной библиотеки, которую собирал всю свою дореволюционную жизнь и для которой даже что-то прикупал в послереволюционные годы. Его можно определить если не как топ-менеджера, то менеджера среднего звена, в подчинении которого работало 11 человек. Он получал приличное жалование и был человеком обеспеченным, любил отдохнуть с друзьями и знакомыми — благо их было достаточно, — часто ходил в театры и рестораны, имел возможность покупать «себе что-нибудь чревоугодное и не торговаясь расплачиваться» (запись от 7/20 июня 1920 г.). Со своей семьей — супруга, сын и дочь (двое его детей, Галя и Миша, умерли в младенчестве) — он жил в пятикомнатной квартире, которую снимал в 6-этажном доходном доме Поповых в Просвирином переулке, в районе Сретенки, «обставленной с претензией на изящество, под лепной потолок, на паркетном

лощеном полу» (запись от 19 ноября / 2 декабря 1919 г.). Как он сам пишет, «до войны все наше имущество, заключавшееся в пяти комнатах, страховалось нами в 6000 р[ублей]» (запись от 17/30 мая 1920 г.). Можно сказать, Окунев был человеком, который сам себя сделал, без больших знакомств и протекции. Своим достатком он обязан только себе, своему упорному труду и своим деловым способностям. Себя Окунев относил к обывателям или же, уже после революции, к «буржуям».

Подобная биография Окунева, уровень культуры, положение в обществе делают его дневник еще более ценным, поскольку он дает возможность взглянуть на окружающий мир, на происходящие события с точки зрения типичного представителя среднего класса, обывателя, каких в Москве были тысячи и десятки тысяч. Именно такие люди становились объектом воздействия различных партийных сил и властей, на них была направлена пропаганда и агитация, поскольку их лояльность была необходима любым режимам — даже советскому, несмотря на все его декларации — ведь именно они были теми маленькими винтиками, благодаря которым и до, и после революции продолжала крутиться машина управления народным хозяйством. Та часть среднего класса, к которой относился Окунев, как раз и была до революции основной избирательской массой, на которой отработывали свои методы манипулирования различные политические партии и движения. И это очень хорошо видно по этим дневникам.

Не очень хорошо ориентирующийся в тонкостях программ политических партий Окунев довольно сумбурно описывает свои политические предпочтения. То он вдруг начинает говорить, что он толстовец, видимо, совершенно не представляя себе всех аспектов этого религиозно-этического течения, оставаясь при этом искренне верующим православным христианином. Видимо, все толстовство уложилось у Окунева в одну фразу «непротивление злу насилием», которую сам он трактует как всего лишь неприятие войны. Но чаще автор все же упоминает о своих симпатиях к кадетам, то есть к Конституционно-демократической партии (Партии Народной Свободы), он и на выборах в городскую думу в 1917-м голосует за кадетский список. Но и здесь возникают определенные сомнения в том, что автор нашел время ознакомиться с ее программными документами и представляет себе разницу между партиями, вошедшими в Прогрессивный блок (кадеты, прогрессисты, октябристы и прогрессивные русские националисты). Он скорее принадлежал к тому, что принято называть «образованным обществом», в которое входили такие же состоявшиеся и благополучные люди, читающие умные книги и любящие обсудить в кругу друзей за обильным ужином или преферансом перипетии высокой политики. И мы сегодня, читая дневники Окунева, имеем возможность воочию представить себе трагедию этих обывателей. Он пишет

(4 декабря 1916 г.) об «обывательских вождениях» о «назревшей необходимости ввести в России ответственное перед народом министерство», а затем — возмущенно — что «царь или его опричники не убоялись и не устыдились цинично ответить народу, что мы, мол, знаем и без вас, что нам делать». Но тогда, в 1916 г., «образованное общество», расшатывая лодку Российской империи и требуя отдать власть Думе, не понимало, что крах империи станет и его крахом. Результат известен:

Но — пасынок, изгой самодержавья —
И кровь кровей, и кость его костей —
Он вместе с ним в циклоне революций
Размыкан был, растоптан и сожжен.
Судьбы его печальней нет в России.

(Максимилиан Волошин, «Россия», 1924 г.)

Дневник показывает всю глубину пропасти, в которую провалился избирательский электорат кадетской и прочих «буржуазных» партий, так рьяно выступавший за реформирование российского общества. Эти люди приспособились к новым условиям, приняли правила новой власти и продолжили жить. Вернее, выживать. Им оставалось лишь задаваться риторическим вопросом (запись от 23 июня/6 июля 1918 г.): «Все спрашивают друг друга (и меня спрашивали так, и я спрашивал многих) — “Да когда же всё это кончится?”». Понимание этого придет, но значительно позже. 20 марта / 2 апреля 1922 г. Окунев, узнав, что какой-то офицер убил видного февралиста Набокова, записал в дневнике: «Может, он и прав, что кадеты свалили в пропасть российское самодержавие». В 1917-м Никита Потапович об этом не думал... В то же время надо отдать должное автору дневника: он ни в коем случае не стал бурно радоваться отречению императора, не стал лить на него потоки грязи, уподобляясь думским депутатам. Окунев с горечью записал (10 марта 1917 г.): «Свергнули с престола, взяли власть в народные руки, ну и слава Богу, но зачем же лягать, плевать. Теперь он не царь, а человек... и нужно предать его воле Божией, а не хулиганам на поношение. На грех-то еще, у него все дети больны серьезно. Несчастливая семья!»

Автор дневника негативно отнесся к приходу большевиков к власти. К его чести, надо заметить, что и политика Временного правительства не вызывала у него особого восторга. Наделенный природным благоразумием, он довольно быстро понял, что все эти неурядицы ничем хорошим не кончатся. Впрочем, это не подвигло его на какие-либо свершения: типичный московский обыватель, он продолжал плыть по течению, надеясь, что каток новой власти минует его и его семью. Его живой, часто ироничный ум выхватывает из череды событий наиболее, с его точки зрения, интересные, характерные. И все это

рисует перед читателем колоссальную и в то же время очень точную и детальную картину развития Советской России в первые годы ее существования — в ее «ленинский» период, до 1924 г. И хотя Окунев не стремится намечать и проследить перспективы и тенденции — кроме «будет, наверное, еще хуже» — все же простая фиксация события дает нам сегодня возможность составить представление о постоянно углубляющемся экономическом и социальном кризисе страны. Причем кризисе, в создание которого внесли свой весомый вклад не только объективные факторы, но и откровенное неумение властей наладить хоть как-то эффективное управление государством и экономикой. И если 29 ноября 1917 г. потрясенный октябрьскими событиями и первыми шагами новой власти Окунев записал: «“Жалкие остатки великой страны”, как вчера вслух помыслил какой-то почтенный господин, обходивший труп той несчастной лошади, которая все еще валяется на Лубянке», то через пару лет положение он опишет уже по-другому. 11/24 марта 1920 г. он записал в дневнике: «Кстати, насчет лошадей. В эту зиму трупы их уже не валялись по Москве по неделе — другой. Теперь, как только каждая скотинка подойдет, ее моментально обдирают и... преподносят голодной Москве в качестве “парного мяса”»...

Автору еще повезло: новой власти в эти годы не было никакого дела до обычного московского обывателя. Его даже не уволили из конторы, лишь как «социально далекого» сняли с руководящего поста, превратив в обычного служащего. И он продолжал заниматься тем, что умел: работал в области водного транспорта, лишь как в калейдоскопе, менялись занимаемые им должности: реорганизации и переформирования шли в Советской России не переставая. Концы с концами сводить приходилось все труднее. И если 9/22 декабря 1918 г. мы читаем, что «все прожито, завелись долги и будут, пока что, расти», то уже 23 апреля/6 мая следующего года узнаем: «продавали ненужное или лишнее, а потом стали продавать и то, “без чего все-таки можно обойтись”». Но жизнь продолжалась. Вернулся с фронтов Гражданской войны любимый сын, вступивший в Компартию и теперь работавший в различных наркоматах, покончила с собой не выдержавшая тягот новой жизни супруга... Количество записей стало снижаться, автор все реже и реже стал брать за перо. В мировую войну Окунев обращался к дневнику почти ежедневно. В первые годы революции количество записей в год было примерно одинаковым: в 1917 г. — 178, в 1918-м — 180, в 1919-м — 128, в 1920-м — 120, в 1921-м — 116. Но затем, возможно, по привычке, пообтерлись, вроде и Гражданская война к концу идет. Заел быт. Как тут не вспомнить столь точно рисующие московского обывателя слова М. А. Булгакова из «Мастера и Маргариты» (то, что описываемые там события происходят годами 10–15 позже, ничего не меняет): «Ну что же [...] они — люди как люди. Любят деньги, но ведь это всегда было. [...] Ну, легкомысленны... ну, что ж... и милосердие иногда стучится в их сердца... обыкновенные люди... в общем, напоминают прежних... квартирный вопрос только испортил их». В 1922 г.

Никита Потапович сделал всего 40 записей (правда, попытался поместить в них более обширный обзор). Следующий, 1923 г., сократился до 11 записей, а от 1924-м их осталось всего две. Продолжать свой дневник не стал. Быть может, решил, что это небезопасно, а может быть, пришел к выводу, что эпоха Великих катастроф завершилась и пора заканчивать ее описание...

Дневник Н. П. Окунева шел к своему читателю долго, но нашел его быстро. Его отрывки начали появляться в Самиздате еще в 1970-х гг. Первое же более-менее полное издание — без дневников времен Первой мировой войны, комментариев и указателя — вышло в 1990 г. в парижском издательстве YMCA-Press^I. Впрочем, это издание широкого распространения не получило, хотя после его выхода историки и публицисты начали цитировать Окунева. Через семь лет «Воениздат» выпустил в серии «Редкая книга» те же дневники в двух томах^{II}: книга представляла собой репринт с издания YMCA-Press и практически ничем от него не отличалась, разве что было добавлено небольшое предисловие Владимира Дробышева, где события, описанные в дневнике, наивно сравнивались с «лихими девяностыми». С этого момента они начали победное шествие по России, а при развитии Интернета были выложены на многочисленных сайтах и различных вариантах. Все так же обрубленные до 1917 г., со всеми ошибками и неточностями первого издания, без комментариев и справочного аппарата. И все это время оригиналы дневников оставались у потомков Окунева. В 2019 г. они сами выступили с предложением издать полную версию дневников, а издательство, в свою очередь, взялось подготовить текст в публикации, дать подробные комментарии, а также обширный и подробный именной указатель (для удобства читателя в указателе проставлены не страницы, на которых упоминается тот или иной персонаж, а даты записей дневника). Кроме того, после предисловия мы поместили две небольшие справки: с перечислением русских метрических мер (поскольку автор в тексте пользуется именно ими), а также таблицу цен на 1913 г.

Говоря о дневниках Окунева, невозможно отдельно не остановиться еще на двух интереснейших сюжетах, в них представленных. Хотя общую канву изложения составляют события как внутренней жизни России, так и происходящие на международной арене — в значительной степени почерпнутые из периодической прессы и лишь незначительно дополненные слухами, дошедшими до автора, — тем не менее можно выделить по крайней мере две темы, которые чрезвычайно волнуют автора и к которым он постоянно, на протяжении всех 10 лет возвращается. Фактически речь идет о двух отдельных направлениях в рамках более крупного массива фактологического материала.

^I Окунев Н. П. Дневник Москвича: 1917–1924. Париж, 1990.

^{II} Окунев Н. П. Дневник москвича. Т. 1, 1917–1920; Т. 2, 1921–1924. М., 1997.

Первое, это интереснейший пласт материала о ценах на основные продукты питания, а также ряд товаров народного потребления. Автор — человек, начинавший свою карьеру в не слишком богатой конторе и сам достигший своего благополучия, знает цену деньгам. Он понимает, как надо организовывать семейный бюджет (и в годы советской власти с ужасом делает вывод, что категорически не может этого сделать). Он постоянно пристально следит за индексом цен, причем часто не приобретая какие-либо товары, а лишь констатируя факт — стоит столько-то. И делает он это постоянно, изо дня в день, из месяца в месяц. Материал, собранный им, уникален, поскольку газеты того времени лишь изредка публиковали информацию о ценах на той же Сухаревке. Можно сказать, что если бы Окунев просто записывал цены, то и в этом случае сегодня можно было бы издать их отдельной книгой, и она бы удостоилась восторженных рецензий от критики. Главное здесь то, что, опираясь за записи Окунева, можно проследить динамику розничных цен практически за 10 лет. (Возможно, несколько меньше, поскольку в годы Первой мировой войны не было столь стремительного их роста, и впервые основные цены автор зафиксировал в своем дневнике только 28 марта 1916 г. Кроме того, примерно в конце 1922 г. эти данные также постепенно пропадают, поскольку большую часть продуктов автор начал получать в пайках.) Цены на продукты, транспорт, книги, театральные спектакли и др. автор приводит, параллельно фиксируя получаемую им заработную плату, что также дает возможность сделать вывод не только об уровне цен, но и о качестве жизни в Советской России. В своем дневнике Окунев постоянно делает отсылки к довоенной жизни, довоенным ценам, естественно, говоря о них как о само собой разумеющемся. Чтобы современному читателю помочь сориентироваться в этих ценах, приведем здесь таблицу розничных цен на продукты питания, составленную по «Запискам по курсу кулинарной школы», где они даются в качестве расчетных для определения общей стоимости продуктов при приготовлении обеда на пять человек¹.

Категория	Товар	Ед. изм.	Цена (руб.)
Бакалея	Гречневая крупа	фунт	0,10
Бакалея	Желатин	фунт	1,04
Бакалея	Картофельная мука	фунт	0,12
Бакалея	Мука пшеничная	фунт	0,08
Бакалея	Рис	фунт	0,12
Бакалея	Сахар	фунт	0,12

¹ Данные взяты: Широкогоров В. Л. Цены и оклады: дореволюционная Россия // Позитивный маркетинг. 2006. № 3. С. 6–8. — URL: <http://www.pmarketing.ru/publications/general-questions/social-dynamics/prices-salaries-before-wwi> (дата обращения 16.01.2020).

Бакалея	Соль	фунт	0,02
Грибы	Грибы сушеные	фунт	1,12
Кондитерские изделия	Бисквит	фунт	0,60
Кондитерские изделия	Варенье	фунт	0,30
Кондитерские изделия	Цукаты	фунт	0,40
Молочные продукты	Густые сливки	бутылка	0,40
Молочные продукты	Молоко	бутылка	0,08
Молочные продукты	Русское (топленое) масло	фунт	0,40
Молочные продукты	Сливочное масло	фунт	0,56
Молочные продукты	Сметана	фунт	0,28
Молочные продукты	Творог	фунт	0,08
Мясо	Грудинка	фунт	0,22
Мясо	Кострец	фунт	0,22
Мясо	Лопатка	фунт	0,20
Мясо	Огузок	фунт	0,22
Мясо	Почки	шт.	0,30
Мясо	Тонкий край	фунт	0,23
Овощи	Горошек	фунт	0,60
Овощи	Картофель	десяток	0,05
Овощи	Кислая капуста	фунт	0,05
Овощи	Коренья	шт.	0,01
Овощи	Луковица	шт.	0,01
Овощи	Морковь	шт.	0,01
Овощи	Огурец соленый	шт.	0,03
Овощи	Оливки	фунт	0,80
Овощи	Свежая капуста	фунт	0,05
Овощи	Свекла	шт.	0,02
Овощи	Томаты	фунт	0,20
Овощи	Цветная капуста	шт.	0,20
Овощи	Шпинат	фунт	0,20
Овощи	Щавель	фунт	0,10
Птица	Курица	шт.	0,70
Птица	Рябчик	шт.	0,40
Рыба	Севрюга	фунт	0,45
Рыба	Судак	фунт	0,25
Фрукты	Кишмиш	фунт	0,16
Фрукты	Лимон	шт	0,05
Фрукты	Яблоки	шт	0,03
Хлеб	Черствый хлеб	шт	0,04
Ягоды	Клюква	фунт	0,08
Яйцо	Яйцо	шт	0,03

Другой, возможно, еще более интересный, сюжет связан с историей церковной жизни в Москве после Октябрьской революции. Хотя об этом написано достаточно много, тем не менее приводимые Окуневым факты очень важны для того, чтобы составить полную ее картину в первые годы советской власти. Автор — православный, истово верующий человек, соблюдающий все каноны и правила, хотя и являлся прихожанином своей церкви, тем не менее любил посещать и другие храмы, хорошо знал священников, был знаком с многими диаконами, будучи поклонником их певческого таланта. Здесь мы видим печальную картину церковной жизни Москвы после революции, при том что еще не наступил наиболее тяжелый период для Русской православной церкви — правда, автор думает иначе, не понимая, что происходящее всего лишь прелюдия к действительно масштабным гонениям, стартовавшим в 1929 г. Автор очень близко к сердцу принимает все нападки на Церковь и внимательно следит за ними, в связи с чем его свидетельства приобретают особую ценность. Особый интерес представляют и его свидетельства о том, что, несмотря на яростную атеистическую пропаганду, на аресты и преследования священнослужителей, в праздники храмы по-прежнему привлекали десятки тысяч верующих, что несколько расходится с официальными данными. В дневниках Окунева нарисована настоящая карта православной Москвы, своеобразный путеводитель по древним храмам ее центра. К сожалению, это путеводитель лишь по нашему прошлому: как увидит читатель из постраничных комментариев, большая часть храмов, которые посещал автор, была закрыта, а многие вообще не дожили до наших дней. Но тем не менее дневник Окунева — это одна из ярчайших иллюстраций православной Москвы эпохи Великих потрясений.

О дневнике Никиты Потаповича Окунева можно говорить бесконечно, настолько он объемён и многогранен. Читая его, каждый найдет для себя что-то свое: кто-то интересную статистику, кто-то характеристику происходящих событий, кто-то тонкую иронию, а кто-то и исторические закономерности. И все это вместе, как цветные кусочки смальты, складывается в одну огромную завораживающую мозаику, имя которой — «дневник московского обывателя».

*Константин Залесский
Москва, 2020 г.*

Семейство Окуневых на фоне истории России

Последние 20–30 лет в нашей стране стали значительно более внимательно относиться к истории своих предков, своих семей, стали возвращаться к истокам и чтить вековые традиции. Когда же речь идет о таком сугубо личном историческом источнике, как дневник, подобные сведения бесценны, поскольку именно они помогают понять очень многое в отношении автора к тем или иным описываемым событиям. Архивные изыскания последних лет¹ позволяют нам сегодня подробнее рассказать о происхождении автора представленного здесь «Дневника московского обывателя» Никиты Потаповича Окуева, его семье и круге общения.

Род Окуневых происходит из крестьян села Ново-Спасского Жаровской волости Покровского уезда Владимирский губернии, которое незадолго до отмены крепостного права, в 1855 г., принадлежало князю Константину Федоровичу Голицыну (1819–1884). Самым первым известным нам представителем рода Окуневых был Иван. Его сын Архип (1803 г. р.) состоял в браке с Акилиной Исаевной (1801 г. р.). Они родили детей: Петра, Ивана и отца автора дневника Потапа (1839–1910).

Потап Архипович решил попытать счастья в Москве, где брал подряды на перевозку товаров. Моя бабушка, Тамара Владимировна Иванова (в девичестве Каширина) была его внучкой. В своих воспоминаниях она писала: «Отец моей матери, Потап Архипович Окунев, помещичий крестьянин, за два года до отмены крепостного права был отпущен помещиком в Москву “на откуп”. Он получил от своего “барина” деньги на первое обзаведение: купил лошадь, пролетку и стал извозчиком. Жена его, Евфросинья Васильевна, принадлежавшая к господской челяди, смогла присоединиться к мужу... только

¹ Автор выражает особую признательность В. В. Прасоловой за осуществление этой работы. — Здесь и далее в статье примечания автора.

по отмене крепостного права. Она была редкостной умелицей по части изготовления всяческих печений, варений, солений, квашений, маринадов и прочей кулинарной премудрости»¹.

Со временем Потап Архипович открыл в небольшом двухэтажном здании во дворе Старого Гостиного двора (улицы Варварка и Ильинка) транспортную контору. В этом центре московской торговой жизни услуги, предлагавшиеся Окуневыми, были достаточно востребованы, а близость Москвы-реки позволила им наладить перевозку товара еще и водным путем.

В 1873 г., согласно «Справочным книгам о лицах, получивших купеческие свидетельства по 1 и 2 гильдиям в Москве», он записался в купцы 2-й гильдии, хотя до 1886 г. записи в метрических книгах фиксировали его как крестьянина. Возможно, до этого он числился временным московским купцом. 15 июля 1894 г. вышло предписание Московской казенной палаты, и семья Окуневых была официально приписана к купцам 2-й гильдии Гончарной слободы. Примерно через полтора года Потапу Архиповичу была присвоена фамилия Окунев: до этого момента он, как и большинство крестьян, официально фамилии не имел. Принадлежавшие семье компании в разные годы носили названия Торгового дома «Братья Окуневы, Энгельмейер, Вахрушев и К^о» и «Московорецкого пассажирского пароходства Бр. Окуневых и К^о».

В 1881 г. Потап Архипович Окунев приобрел дом по Лефортовскому переулку в приходе Богоявленского храма в Елохово. В домовладении Окуневых было два жилых дома — одноэтажный и двухэтажный, низ коего был каменный, верх деревянный — типичная для тогдашней Москвы застройка. «Во дворе кроме надворных построек, таких, как погреб, амбар и т. д., был еще и вместительный двухэтажный флигель, в котором поселился деловой компаньон и личный друг Потапа Архиповича, Аполлос Папыч [Суслопаров]»^{II}. Были здесь и каретный сарай, и коровник на два стойла. Сад с беседкой довершал картину идиллии.

После кончины Потапа Архиповича в 1910 г. эта городская усадьба по духовному завещанию перешла его сыновьям, Ивану и Никите Окуневым. Их финансовое положение к этому времени, видимо, несколько ухудшилось, поскольку основной дом пришлось сдать внаем. Как свидетельствовала моя бабушка, там поселился известный толстовец В. Г. Чертков^{III}.

Потап Архипович Окунев состоял в браке с Ефросиньей Васильевной (24 сентября 1833 г. — 29 февраля 1918 г.) и родил детей: Ивана (ок. 1861 г. р.); Никиту (1868 г. р.) и Марию (1874–1955). Братья Иван и Никита Потаповичи были потомственными почетными гражданами Москвы.

^I Иванова Т. В. Мои современники, какими я их знала. М., 1987. С. 489–490.

^{II} Там же. С. 490.

^{III} Иванова Т. В. Указ. соч. С. 507.

Никита Потапович с 1890 по 1893 г. служил писарем высшего оклада штаба Московского военного округа. 10 мая 1896 г. он женился на крестьянке деревни Сельково Московской губернии Можайского уезда Евдокии Давыдовой (ок. 1877 г. р.), отец которой Егор Кондратьевич Давыдов был московским купцом. После бракосочетания молодые некоторое время жили в доме Потапа Архиповича по адресу Лефортовский переулок, 7. В Богоявленской церкви в Елохово были крещены их дети: сын Леонид (родился 5 марта 1897 г.) и дочь Галина (родилась 14 декабря 1898 г.). Впоследствии семья переехала в дом Конкина, находившийся в приходе церкви Св. Иоанна Предтечи в Казенной слободе. Здесь у Окуневых родился и умер третий ребенок — Михаил (28 декабря 1902 г. — 25 декабря 1904 г.).

В 1900 г. Никита Потапович был агентом Пароходства по реке Москве, Волге и Оке М. К. Кашиной, был также членом-учредителем Москворецкого пассажирского пароходства «Бр. Окуневых и К^о», членом правления Императорского общества для содействия Русскому торговому мореходству. В 1908 г. он стал управляющим Московским агентством Товарищества пароходства и торговли под фирмою «Русь», в 1910-м — Общества пароходства и торговли «Кавказ и Меркурий» и, наконец, в 1911-м — Пароходного общества «Самолет».

У Окуневых была дача в Измайлове (утраченная в революционные годы). Иван Потапович в связи с этим состоял членом Общества благоустройства местности «Измайловский зверинец»¹. Вот что вспоминала об этой даче внучка Потапа Архиповича: «Дача стояла напротив небольшого лесочка, казавшегося мне непроходимым бором. За ним — небольшой пруд (для меня — ребенка — если не море, то уж непременно неоглядное озеро). Окружен пруд громадными соснами, у некоторых, очевидно подмытых в половодье, корни вышли на поверхность.

Весной в Измайлове цвели такие цветы, которых потом я вообще нигде не встречала: каждый колокольчик ландыша величиной с твой палец, и не успеешь сорвать один цветок, как увидишь за ним, в лесу, целую полянку, ослепительно зелено-белую и такую ароматную, что больше тебе и рвать эти ландыши не хочется, а только бы смотреть на них, как они растут, да нюхать, как пахнут... От ландышей все бело, от подснежников сплошная синь, а одуванчики зацветут — солнце по земле стелется...

Была там такая поляна, ее почему-то называли Солдатской, на которой все цветы с меня ростом и каждый краше другого, а среди них были и такие, например, золотисто-желтые баранчики, которые и изо рта не вырывают, если станешь их сосать, вкус же у них совсем медовый...

¹ Иванова Т. В. Указ. соч. С. 497.

У дачи Окуневых было два сада: “парадный” и “задний”. В парадном среди деревьев был разбит цветник, а клумбы украшены еще и блестящими яркими шарами на подставках. Мне это казалось невероятно красивым. Задний сад представлял из себя попросту огороженный кусок леса, как бы специально предназначенный для игр в прятки и казаки-разбойники. По правую сторону от въезда был яблоневый сад и обнесенный решетчатым забором огород, а за ними поросший зеленой травой двор с гигантскими шагами посредине. За двором, в углу участка, стояла баня»¹.

Круг общения семьи Окуневых был достаточно широк, подчас выходя за пределы купцов 2-й гильдии, в том числе и благодаря тому, что они держали контору в Старом Гостином дворе. В частности, это помогало выдавать замуж дочерей. Так, старшую дочь Ивана Потаповича Ольгу выдали за Ивана Сергеевича Карзинкина (1880 г. р.), представителя одной из богатейших первогильдейских купеческих семей Москвы. Молодые жили со свекровью Юлией Матвеевной в усадьбе Троице-Лыково.

Опять процитирую воспоминания бабушки: «На зимние школьные каникулы всю окуневскую молодежь и нас троих: брата, сестру и меня — всегда забирали в Троицкое. За нами присылали лошадей. Укутывали так, словно в Сибирь снаряжали, и грузили навалом в розвальни.

В Троицком нас ждали подарки, елка, лыжи, санное катание с горы и по льду Москвы-реки, а в десятые годы прибавился еще и буэр...

Мальчики являлись для Ивана Сергеевича “козлами отпущения” — он обучал их азартным играм. Причем, если проигрывал сам, платил наличными, их же проигрыши записывал в специально им заведенную “книгу живота”.

Ни дяди мои — Иван и Никита Потаповичи Окуневы, ни мои родители, очевидно, не понимали всей непедагогичности и даже опасности подобного поведения Ивана Сергеевича. Во всяком случае, ему никто не препятствовал развращать мальчишек.

Да и остальные взрослые поступали в том же духе, многие из них дарили нам, детям, по праздникам или на именины, золотые — пяти- и десятирублевки»².

Клавдия Ивановна (пятая дочь Ивана Потаповича) вышла за Георгия Карловича Зиллера, чьему отцу принадлежали нефтяные вышки на Каспийском море и Московское общество нефтеперегонного завода «Карл Зиллер» (Варварка, Средние торговые ряды, № 239)³.

¹ Иванова Т. В. Указ. соч. С. 515, 517.

² Иванова Т. В. Указ. соч. С. 513.

³ Г. К. Зиллер был не только «капиталистом», но и инженером. В РГБ сохранилась его брошюра «Свойства смазочных масел и их значение» (М., 1939). Несколько лет он провел на Беломорканале, там его посещала супруга Клавдия Ивановна. Ее двоюродная сестра и близкий друг — Тамара Владимировна — тоже приез-

Дочь Потапа Архиповича Мария стала женой сына владельца мануфактурной фабрики на Гороховом поле (Торговый дом «Алексей Иванович Каширин с сыновьями») — Владимира Алексеевича Каширина (1873–1918), имевшего магазин-склад неподалеку от Варварки — в Теплых торговых рядах на Ильинке дворе¹.

Революционные события большинству всех этих людей принесли много огорчений, а то и трагических поворотов судьбы.

Никита Потапович прожил всего несколько лет после того, как перестал делать записи в своем дневнике. Скончался он примерно в 1930 г. Последним его адресом в Москве был Спиридоньевский переулок, дом 7.

Упомянутый в дневнике сын Леонид (Лёля) вскоре был уволен из наркомата и посвятил себя коневодству. Он был первым директором Смоленского конного завода. Считался большим знатоком рысистых лошадей и был автором подборов, в результате которых были получены рекордисты Петушок, Трепач и Прюнель. Он один из организаторов гастролей наших рысаков в Германии в 1929 г. В 1941 г. Леонид Никитич воевал в дивизии Л. М. Доватора. В последние годы жизни работал главным специалистом Московского треста конных заводов. Он скончался в 1960 г.

Леонид Никитич имел двух детей. В 1925 г. родился сын Илья, который в Великую Отечественную войну воевал танкистом и погиб в июле 1943 г. под Прохоровкой. В 1926 г. родилась дочь Наталия. В войну она служила радисткой, после всю жизнь работала в школе учителем физкультуры, скончалась в 2019 г.

У Никиты Потаповича есть правнуки и праправнуки.

Дневник Н. П. Окунева впервые вышел в свет в Париже в 1990 г. в издательстве YMCA-Press в качестве 11-го выпуска серии «Наше недавнее» Всероссийской мемуарной библиотеки (ВМБ). Начало собранию рукописей ВМБ

жала посмотреть на каторжные работы, но в составе писательской группы вместе с мужем Всеволодом Ивановым. В результате поездки появилась позорная книга, воспевающая этот концлагерь: «Беломорско-Балтийский канал имени Сталина» (М., 1934). Зиллер вернулся живым и дожил почти до девяноста лет. Не утратил чувства юмора и говорил, что накануне революции планировал купить самолет и, если бы не большевики, то обязательно бы разбился. Его сестре Елене Карловне Зиллер-Беловицкой повезло меньше: она в 1942 г. надолго попала в красноярские лагеря. Зато еще одна сестра — Ксения Карловна (1897–1970) — стала второй женой актера Михаила Чехова (1891–1955), племянника писателя, уехала в эмиграцию в 1928 г. и закончила жизнь в США.

¹ Брак оказался несчастлив. Мария Потаповна шокировала купеческое общество тем, что в 42 года в 1916 г. бросила мужа с тремя детьми и ушла к знаменитому историку права профессору Борису Ивановичу Сыромятникову (1874–1947). См. о нем: Тихонов В. В. Историк «старой школы»: Научная биография Б. И. Сыромятникова. Пиза, 2008.

было положено в 1975 г., когда А. И. Солженицын напечатал в газете «Новое русское слово» свое «Обращение к русским эмигрантам, старшим революции», в котором призывал представителей «первой волны» присылать ему личные воспоминания о дореволюционной российской жизни, революциях 1905–1907 гг., Февральской и Октябрьской, Гражданской войне (писатель в то время работал над эпопеей «Красное колесо»). Позже в библиотеку стали поступать и рукописи из России.

Парижское издание в своем предисловии весьма в обтекаемых чертах рассказывало об авторе, даже не называя его имени и отчества. Скорее всего, это было продиктовано соображениями конспирации. Советская власть, хоть и перестроенного извода, еще существовала.

История подготовки текста к печати вкратце такова. Дневник был перепечатан на машинке правнуком Н. П. Окунева, художником-ювелиром Никитой Викторовичем Вилковым (1952–2014)¹ при участии его друга Александра Александровича Аргентова^{II} (1951–1992); писателя Николая Владимировича Блохина (1945 г. р.), ныне священника, лауреата Патриаршей литературной премии 2016 г.; протоиерея Вячеслава Резникова (1946–2011), во второй половине 1980-х гг. служившего сначала в храме Илии Пророка в Серпухове, а затем в Покровской церкви в Черкизово Пушкинского района Московской области. Отец Вячеслав был известным проповедником и церковным писателем. Совместными усилиями этих людей удалось переправить машинописную копию А. И. Солженицыну, и тот ее опубликовал.

Хотя дневник начинается с 1914 г., в УМСА-Press решили начать книгу с 1917-го, поскольку приоритетным был интерес к революционным событиям и их последствиям. В таком же виде «Дневник» был затем выпущен «Возниздатом» в 1997 г. Книга стала сразу же востребована не только читателями, интересующимися прошлым России, но и специалистами по истории Отечества, в том числе Русской православной церкви, обращающимися и до сего дня к дневнику как к важному источнику.

Дневник Никиты Потаповича — удивительный документ эпохи. Во множестве деталей автор показывает, как охваченная патриотическим энтузиазмом в начале Первой мировой войны Великая Россия была повержена

¹ Работал в ПО «Художественная гравюра», участвовал в реставрации «Большого театра» в Москве (люстры). При работах на колокольне Иван Великий в Кремле упал с купола, но зацепился за железную арматуру и чудом остался жив, что описал в рассказе «Травка» (Сборник рассказов «Царское дело») его друг и крестный Н. В. Блохин, введший Никиту Викторовича, принявшего крещение в возрасте 25 лет, в круг московского духовенства.

^{II} За участие в христианском кружке в 1976 г. А. А. Аргентов был помещен в психиатрическую больницу. См.: Дело Аргентова и христианского кружка в Москве // Вестник русского христианского движения, Париж — Нью-Йорк — Москва. 1976. № 3–4 (119). С. 281–295.

в прах и прошла по пути невиданных страданий. Автор, чьи родители еще знали крепостное право, сформировался как свободный и образованный человек своего времени, имевший свой индивидуальный взгляд на происходившие события и дававший им четкую и подчас нелицеприятную оценку. Удивительно, что во многих отзывах современных читателей выражается удивление, как «никому не известный буржуа» смог создать столь яркую картину своего времени. Такое недоумение, скорее всего, происходит оттого, что за минувшие сто лет кардинальным образом изменилось лицо народа, и теперь внимательный и меткий наблюдатель событий воспринимается как редкость.

Благодарение Богу, что дневник сохранился и даже дождался своего научного издания. Никите же Потаповичу вечная память и да упокоит его Господь в селениях праведных!

*Протоиерей Петр Иванов,
Москва, 2020 год*

Русская система мер и денежные единицы

В Российской империи в ходу были традиционные обозначения мер веса, объема, длины и т. д. Эта система была стандартизирована с английской системой мер Именным указом «О системе Российских мер и весов», данным Сенату 11 октября 1835 г., и в это виде сохранилась до 1918 г. Именно ею пользуется автор в своем дневнике. При этом, несмотря на то что декретом Совета народных комиссаров РСФСР от 14 сентября 1918 г. на всей территории Советской России была в обязательном порядке введена метрическая система мер (с отменой старой системы), автор, будучи уже человеком в возрасте, как и многие граждане новой страны, не стал менять своих предпочтений и продолжал пользоваться старой системой. Автор постоянно приводит индекс цен на различные продукты, и современному читателю может быть несколько сложно ориентироваться в русской системе мер. В связи с этим редакция поместила здесь общие сведения о существовавшей системе мер и соответствие различных мер с действующей в современной России метрической системой.

Русские меры веса:

берковец (163,8 кг) = 10 пудам;

пуд (16,38 кг) = 40 фунтам;

фунт (409,5 грамма) = 32 лотам = 96 золотникам = 9216 долям;

восьмушка (осьмушка; 51,18 грамма) = $\frac{1}{8}$ фунта

лот (ок. 12,8 грамма) = 3 золотникам;

золотник (4,26 грамма) = 96 долям;

доля = 0,0444 грамма.

Аптекарские меры веса:

фунт (358,323 грамма) = 12 унций = 84 золотника;

1 унция (29,86 грамма) = 8 драхм = 24 скрупула = 480 гранов;
 1 драхма (3,732 грамма) = 3 скрупула = 60 гранов;
 1 скрупул (1,244 грамма) = 20 гранов;
 1 гран = ок. 0,0622 грамма.

Русские меры длины:

верста (1066,8 м) = 500 сажений = 1500 аршин = 3500 футов;
 сажень (2,13 м) = 3 аршина = 7 футов = 84 дюйма;
 аршин (71,1 см) = 16 вершков = 28 дюймов;
 фут (ок. 30,5 см) = 12 дюймов;
 вершок (4,44 см) = 1,75 дюйма;
 дюйм (2,54 см) = 10 линий;
 сотка (2,13 см) = 84 точки;
 линия (2,54 мм) = 10 точек;
 точка = 0,254 мм.

Русские меры объема:

кубическая сажень (9,7 м³) = 27 кубических аршин = 343 кубических фута;
 кубический аршин (359,7 дм³) = 4096 кубических вершков =
 21 952 кубических дюйма;
 кубический фут (ок. 28,32 дм³) = 1728 кубических дюймов;
 кубический вершок (ок. 87,8 см³) = 5,3594 кубического дюйма;
 кубический дюйм (ок. 16,4 см³) = 1000 кубических линий;
 кубическая линия = ок. 16,4 мм³.

Русские меры сыпучих тел (хлебные меры):

кадка (ок. 839,7 л) = 2 полоковы = 4 четверти = 8 осьмин;
 полокова (419,84 л) = 2 четверти = 4 осьмины;
 четверть (ок. 209,9 л) = 2 осьмины = 4 полуосьмины = 8 четвериков =
 64 гарнца;
 осьмина (104,95 л) = 2 полуосьмины = 4 четверика = 32 гарнца;
 полосьмина (ок. 52,5 л) = 2 четверика = 16 гарнцев;
 четверик/мера (ок. 26,24 л) = 8 гарнцев;
 гарнец (ок. 3,28 л) = 12 стаканов;
 полугарнец (1,64 л) = 6 стаканов;
 стакан = 0,273 л.

Русские меры жидких тел:

бочка (ок. 492 л) = 40 ведер;
 ведро (ок. 12,3 л) = 4 четверти/гранца = 10 штофов/кружек = 20 бутылок
 водочных = 16 бутылок винных = 40 косушек = 200 шкаликов;

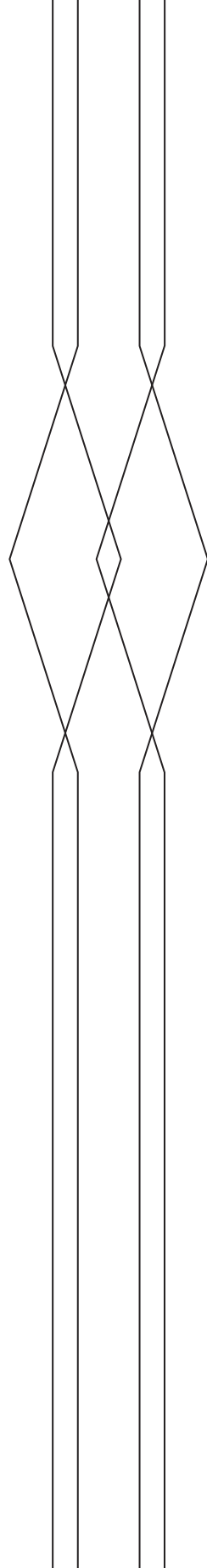
четверть (ок. 3,075 л) = 1 гарнец = 2,5 штофа = 5 водочных бутылок
(или 4 винных бутылки);
гарнец (ок. 3,075 л) = 4 бутылки винных = 12 стаканов;
штоф (1,23 л) = 2 водочные бутылки = 4 косушки = 10 чарок = 20 шкаликов;
бутылка водочная/пивная (ок. 0,615 л) = 2 косушки = 5 чарок;
бутылка винная (ок. 0,77 л) = 3 стакана;
кружка (0,546 л) = 2 стакана;
косушка (0,307 л) = 5 шкаликов;
стакан = 0,273 л;
чарка (0,123 л) = 2 шкалика;
шкалик = 61,5 мл.

Обиходные названия денежных единиц

«петруша» — купюра достоинством в 500 рублей;
«катенька» — купюра достоинством в 100 рублей;
«александр» — купюра достоинством в 25 рублей;
империал — золотая монета достоинством в 10 рублей (1895–1896);
«красненькая» — купюра достоинством в 10 рублей;
полуимпериал — золотая монета достоинством в 5 рублей (1895–1896);
«синенькая» — купюра достоинством в 5 рублей;
«зелененькая» — купюра достоинством в 3 рубля;
полтина — 50 копеек;
четвертак — 25 копеек;
двугривенный — 20 копеек;
пятиалтынный — 15 копеек;
гривенник — 10 копеек;
алтын — 3 копейки;
грош — 2 копейки;
деньга — ½ копейки;
полушка — ¼ копейки.

**ДНЕВНИК
МОСКОВСКОГО
ОБЫВАТЕЛЯ**

1914-1924

Четырнадцатый год

Пусть испытанья будут долги,
Пусть будет много горьких дней —
Но враг из вод широкой Волги
Не напоит своих коней!

П. А. Оленин-Волгарь

I

Живу на свете почти 46 лет, и за все время, которое могу только помнить, кажется, не было ни одного года, когда где-нибудь и кто-нибудь не воевал или не было разговоров о близкой возможности войны. К четырнадцатому году всеобщее ожидание Великой европейской войны достигло необыкновенного напряжения: народ обозлился и разочаровался во многих своих кумирах. Положение получилось тягостное, как перед грозой. И кто знает, может быть <...>^I кто истинный зачинщик войны 14-го года. Одни историки будут винить в этом Сербию, другие австрийцев, третьи русских, четвертые германцев. В их [неразборчиво, возможно – основе] недоступные простому смертному документальные доказательства, но я, ничтожный современник этих великих событий, виню в войне всех «четырёх». Народ сербский давно уже скомпрометировал себя домашними цареубийствами и, вероятно, позапачкал свои руки в крови несчастного австрийского престола наследника [эрцгерцога Франца] Фердинанда [д'] Эсте и совершенно непричастной к политике супруги [герцогини Гогенберг]^{II}, но Австрия могла бы удовлетвориться ответом Сербии на свой драконовский ультиматум^{III}. России не следовало^{IV}

^I Часть текста отсутствует. — Здесь и далее примечания редактора, если не указано иное.

^{II} Эрцгерцог Франц Фердинанд и его супруга были убиты в Сараево 15(28) июня 1914 г. членами анархической организации «Млада Босна» (непосредственный исполнитель убийства Г. Принцип), а Босния на тот момент входила в состав Австро-Венгрии; причастность властей Сербии к покушению никогда не была подтверждена.

^{III} Австро-Венгрия предъявила Сербии ультиматум, напрямую затрагивающий вопросы ее суверенитета. Сербия приняла фактически все пункты ультиматума, но Австро-Венгрия, придравшись к формальным положениям, все равно объявила войну.

^{IV} Обрыв текста.

II

<...> дам и даже наружности, очень был бы на месте в роли бравого жандарма или лихого полицеймейстера^I. В глубине своей души он себя, такого же смертного человека, в XX веке считает «помазанником Божиим» не как по этикету, а как действительно таковым, т[о] е[сть] не просто человеком, а существом Полубожественного значения. Наполеон Первый не считал себя человеком «не от мира сего», но по своей врожденной гениальности был необыкновенным существом. В прелестной старой французской оперетте «Фауст наизнанку»^{II} очень [неразборчиво] у которого одна только песня: «Расшибу, разнесу!» Вильгельм Второй все свое царствование поет эту песню, но если даже Злой Рок и поможет ему кого-нибудь «расшибить», то все же Наполеоном ему не быть: «усами не вышел», как можно сострить, намекая на его знаменитые усы.

III

17 июля объявлена в России общая мобилизация, 19-го в Германии и во Франции. В тот же день Германия объявила войну России, 21-го Бельгия Германии. Но странно, что ни Франция Германии, ни Австрия России до 23 июля официально ни так, ни наоборот войны не объявляли^{III}, хотя с 19-го же июля находились уже друг с другом в безусловно враждебных отношениях.

IV

23 июля встретился со своим старым приятелем Петром Алексеевичем Олениным-Волгарем. У человека явился какой-то воинственно-патриотический взмах. Ему уже 50 лет, по образованию он врач, по призванию судоходец, по способностям литератор, но в молодости был года два гусаром. Просится, чтобы его посадили на лошадь, против врага. Говорит, что и дед его, и отец несли ратную службу, но я ему говорю, что с таким пузом, которое у него сейчас имеется, ему нечего и думать о воинственных подвигах, и советую, чтобы он принес «на алтарь отечества» две своих неоспоримых способности: быть лекарем и писателем, для чего не надо ехать куда-нибудь на театр военных действий, а просто остаться в Москве и подавать бесплатную медицинскую помощь семьям при-

^I Речь идет о германском кайзере Вильгельме II.

^{II} Имеется в виду пародия Ф. Эвре на «Фауста» И. Гёте «Маленький Фауст», которая также шла в России под названием «Фауст наизнанку».

^{III} Автор не точен: Германия объявила войну Франции 21 июля (3 августа), соответственно Франции не было необходимости объявлять войну Германии. Австро-Венгрия объявила войну России 23 июля (5 августа).

званных, а потом раненых, и писать патриотические статьи в газетах. Кажется, уговорил, и он для первого начала сочинил четверостишие, которое я поместил под заголовком своей летописи.

Посмотрим теперь, из каких русских вод будут утолять свою жажду вражеские кони. До Волги они, пожалуй, не доскачут, но мало ли ближе к неприятельскому стану других великих русских рек, к которым тоже не хотелось бы подпускать неприятеля: Днепр, Днестр, Западная Двина, Нева и т. д. <...> Государь, по объявлении войны, 20 июля в Зимнем дворце торжественно заявил, что Он до тех пор не заключит мира, пока на Русской Земле не останется ни одного неприятельского воина... Конечно: «сердце Царево в руке Божией», но можно бы и не говорить таких слов. Пускай уж «Василий Федорович»^I выпаливает теперь свои хвастливые речи.

V

С этого момента я уже буду заносить в свою летопись только то, что произошло в Европе по последним известиям. Никаких так называемых слухов записывать не буду, но к голым фактам буду изредка прибавлять свой собственный критерий, на что имею полное право, ибо пишу только для себя.

23 июля. В газетах пишут подошел к Либаве немецкий крейсер и выпустил 20 зарядов. В городе незначительные повреждения. Затем крейсер ушел. Не понравилось мне такое успокоительное сообщение и навело на предположение: может быть такое начало вроде начала Японской войны, когда внезапно пришли в Порт-Артур вражеские миноносцы и насмерть ужалили три наших военных судна. Почему же не стреляли в немецкий крейсер, почему не приготовили ему мины?.. Еще пишут, что немцы заняли уже Бендин^{II} (наш пограничный город с 27 000 жителей), Калиш (губернский город) и Ченстохов (польский «Троица», с 67 000 жителей). Это дескать было предвидено. Напрасно утешают нас такой прозорливостью. Немцам в пограничной Польше будет неплохо. Местное население примет их очень спокойно и партизанской войной нашего неприятеля не угостят. Но самое скверное сообщение сегодняшних газет, это погром в Петербурге здания германского посольства. Видимо, полиция смотрела на бесчинство безумной толпы сквозь пальцы^{III}.

^I Прозвище Вильгельма II.

^{II} Бендин — уездный город Петроковской губернии; с 1919 г. в составе Польши; ныне Бендзин (Będzin), центр повята Силезского воеводства.

^{III} Имеется в виду здание германского посольства на Большой Морской улице накануне, 22 июля. На самом деле: «У германского посольства манифестантов встрелил большой отряд жандармов и конных городовых. С криками “ура”

Ведь Петербург — резиденция министра внутренних дел, т[о] е[сть] шефа полиции. Оказывается теперь, что Маклаков нетактичен не только во «внутренних делах», но и в иностранных. Ведь таким попустительством он оказал медвежьё услугу нашим дипломатам и, пожалуй, главнокомандующему войсками. Сведение о таком печальном происшествии сделает нашу нацию в глазах врагов варварской и малодушной. Не говоря уже о немцах, это произведет гнетущее впечатление и на наших союзников. А как раз сегодня же газеты подчеркивают благородное отношение французов к праху какого-то немецкого поручика, которому были отданы воинские почести. Нет, этого Маклакову не надо прощать, и Великий кн[язь] Николай Николаевич, назначенный Верховным главнокомандующим, и министр иностранных дел [Сазонов], если они высоко понимают свои обязанности, должны просить Государя, чтобы он в 24 минуты послал Маклакова к черту.

24 июля. Наконец в газетах появились уже и официальные сведения об объявлении Англией войны Германии. До сего времени не сделано этого по отношению к Германии с Францией, но в этом, кажется, нет и надобности, так как факт ихних¹ воинственных отношений налично. Германия неудержимо ломится на Францию, и скоро скоро между ними завяжется кровопролитнейшее дело.

Наш Главный штаб объявляет, что серьезных выступлений со стороны Германии надо ожидать не ранее первых чисел августа, так как там еще не закончена мобилизация, но тогда отчего же наши стратеги не воспользуются такой неготовностью своего врага и зачем пустили его без сопротивления в Калиш и Ченстохов?

В нашем движении на запад будет уже хорошая сторона, что наши солдатики, собранные со всего лица необъятной страны, люди, что называется, «от сохи на время», если даже и не покроют себя победной славой, то хоть понемножку приобщатся к западной культуре, увидев своими глазами, как живут на Западе, какие там нивы, поля, селения, дороги, леса и города. Глядишь, чему-нибудь и научится, а семья этого случайного познания со временем разрастется на своей родине в полный цвет. Ведь говорит же нам история, что нашествие на Россию монгольского ига и пленение им нашего народа в течение 300 лет переродило его в худшую сторону, не только остановив его естественное раз-

и «долой немцев» толпа прорвала цепь полиции и проникла к зданию германского посольства. В окна посольства посыпались камни. <...> Дружными усилиями они свалили германский герб и сорвали германский флаг. На флагштоке взвился русский флаг». См.: Петербургский листок. 23 июля 1914 г.

¹ В XIX в. принятая литературная форма слова «их».

витие, но как бы осадив его назад. Значит теперь, наш воин, идя вперед, т[о] е[сть] в немецкую страну, поистине идет «вперед». Счастливого пути...

25 июля. Вчера и Австрия объявила войну России. Боже мой! Что только делается: подумать страшно — ведь целых восемь держав уже на положении войны, и при том против Германии и Австрии целых шесть, т[о] е[сть] Англия, Франция, Россия, Бельгия, Сербия и Черногория. В печати и обществе с редким единодушием считают теперь единственным виновником этого неслыханного для всей Европы бедствия Вильгельма Германского. Сомневаются уже в его нормальности, и многие уподобляют его Нерону¹. Общее у них действительно есть, например, артистичность их натур. Ведь и Вильгельм все позирует, он и композитор, и художник, и капельмейстер, и проповедник. Пожалуй, перед ним переходом своим в вечность он также воскликнет, как Нерон: «Какой великий артист погибает»^{II}, и он будет отчасти прав.

26 июля. Сегодня Государь принимал в Зимнем дворце членов Государственного совета и Государственной думы и сказал речь. В такие дни и в такой исключительной обстановке хотелось услышать из царских уст не обыденное слово, составленное придворными церемониймейстерами, а что-нибудь величавое и ясное. Народ действительно сплотился и проявил в настоящие тяжелые дни сознательное отношение к грядущим великим событиям, так надо было теперь же сказать ему, что за Богом молитва, а за царем служба не пропадают^{III}. Я не подсказываю буквально такие, в сущности, незамысловатые и устарелые слова, но намекаю на то, что уже давно ходят слухи о том, что решено реакцию оставить и круто повернуть влево. Если это правда, то почему бы и не сказать сегодня же, что теперь все пойдет по-новому...

В последние дни сообщают о крупных пожертвованиях на организацию помощи раненым и семьям мобилизованных. Города Москва и Петербург пожертвовали по миллиону, Курское земство —

^I Нерон (37–68), римский император (с 54 г.) из династии Юлиев-Клавдиев; вошел в историю как жестокий, вздорный и неудачливый правитель, при этом позер, «враг человечества» (по словам Плиния Старшего).

^{II} *Qualis artifex pereo* (лат.) — согласно Светонию, фраза, сказанная Нероном перед самоубийством.

^{III} Свою речь Николай II как раз и завершил словами, которые означают то, о чем пишем автор: «Уверен, что вы все, каждый на своем месте, поможете Мне перенести ниспосланное Мне испытание и что все, начиная с Меня, исполнят свой долг до конца. Велик Бог земли русской».

миллион, Московское — пока 600 000, но если казна даст ему под процентные бумаги два с половиной миллиона, то и эта сумма будет употреблена на те же задачи. Есть выдающиеся по суммам пожертвования и от единичных лиц: например, С. Т. Морозов 500 000 р[ублей], князь Абамелек-Лазарев 100 000. Теперь за этим дело не станет, но как жаль, что у людей не было такого же героизма в мирное время, когда избыткам их громадных средств нашлось бы применение на дела просвещения, на усовершенствование земледельческих орудий¹, на борьбу с алкоголизмом и разными роковыми болезнями, и тогда, может быть, и войны той не было...

Сведений с театра войны, или вернее с ареопага войн, сегодня мало. Или еще ничего не произошло крупного, или от нас скрывают начавшиеся неудачи.

27 июля. Газеты полны отчетами о вчерашнем Чрезвычайном заседании Государственной думы, которое по заслугам называют «историческим». Был прочитан еще Манифест о войне с Австрией. Пожалуй, этот наиболее удачный. Заключается он довольно внушительно: «Да благословит Господь Вседержитель наше и союзное нам оружие и да поднимется вся Россия на ратный подвиг с железом в руках, с крестом в сердце».

Все речи произносились повышенным тоном, и некоторые очень содержательны и трогательны. Прекрасные речи председателя Думы Родзянко, министра иностранных дел Сазонова и великолепны фракционные заявления трудовиков, латышей и в особенности Польского коло. Октябристы, националисты, социал-демократы, правые, кадеты и прогрессисты лавров себе на этот раз не стяжали. Вспоминаются блестящие выступления тех же ораторов по делам внутренней политики, совсем не такого важного значения, как это великое, международное дело. К моему великому огорчению, особенно бледна речь вождя кадетов Милюкова.

Бельгийская первая крепостная оборона «Льеж» пала^{II}. Немцы после пятидневного отчаянного боя вошли в Льеж, но потеряли до 20 000 человек. Соппротивление было поистине геройское: немцев было 100 000 человек, бельгийцев не более 30 000 чел.

^I Автор предвзят: те же Морозов и князь Абамелек были известными благотворителями и до войны также жертвовали большие средства на благо общества.

^{II} Автор пользуется непроверенной информацией: немцы захватили Льеж и несколько переправ через Маас 25 июля (7 августа), после чего начали осаду крепости. Первый форт (Баршон) был взят ими 28 июля (10 августа), а вся крепость полностью занята немцами 3(16) августа.

28 июля. Весь день прошел в удушливых ожиданиях каких-нибудь вестей с войны. В газетах и телеграммах одни только слухи, которые завтра будут опровергнуты. Большой я ненавистник этих слухов. Даже самые отрадные из них действуют на нервы.

Сегодня случайно видел старинное издание одного из Манифестов Александра Первого, данных в Полоцке в июле 1812 г. Как раз и в нем такой же почти призыв, о котором я писал вчера: идти на врага «с крестом в сердце и с оружием в руках». Горе современным государственным людям, если они ведут свое Отечество к бесславию и разорению. Потомство скажет: не умели говорить великих слов, не сумели и великого дела сделать!

29 июля. Франция объявила войну Австрии.

30 июля. Кроме «слухов», по большей части вздорных и своей утешительностью малозначащих для такой великой войны, в сегодняшних газетах можно отметить только факт отзывчивости Московского биржевого общества: вчера первый день подписки, но она уже дала более двух миллионов. На подписном листе — первое имя Г. А. Крестовникова (председателя Биржевого комитета). Он подписал, «перекрестясь», 100 000 рублей...

31 июля. Сегодня 13-й день Русско-германской войны, по новому стилю 13 августа, и мы переехали на новую квартиру в дом № 13...

1 августа. Англия объявила войну Австрии.

2 августа. Сегодня много пишут и говорят о воззвании нашего Верховного главнокомандующего [великого князя Николая Николаевича] к полякам. Там есть знаменательные обещания: «Пусть сотрутся границы, разрезавшие на части польский народ. Да воссоединится он во едино под скипетром Русского Царя. Под скипетром этим воссоединится Польша, свободная в своей вере, в языке, в самоуправлении» и далее: «Заря новой жизни занимается для вас. Да воссияет в этой заре знамение креста — символа страдания и воскресения народов».

Хорошие, великие слова, но ведь то же самое сулят полякам и Германия, и Австрия. Никто, кроме Бога, пока не знает, какой стране суждено будет соединить Польшу в одно целое, но сами поляки едва ли верят таким обещаниям.

3 августа. Никаких важных известий.

4 августа. В Москву приехал царь со всем своим семейством. Ходили смотреть его проезд с вокзала. Ничего помпезного. Ехали в открытых колясках. Кортеж был невелик, ни почетного конвоя, ни блестящей свиты. И царь, и его окружающие, и народ — все держали себя серьезно. Я, по крайней мере, не видел ни царственной улыбки, ни народного энтузиазма, но тем не менее чувствовалось в этой встрече действительное единение власти с народом. Каждому думалось друг о друге «а ведь ему сейчас тоже нелегко...».

В течение дня выпускается 6–7 разных телеграмм. Они полны разными слухами, один другого сенсационнее. Если верить им, так теперь все державы завоевали, а некоторые уже как будто стерты с лица земли. Вот, например, пишут, или телеграфируют, что Вильгельм II объявил Бельгию вассальной ему, а царствовавшую там династию низложил. Затем [...]нили, что Франц-Иосиф, дабы парализовать воззвание к полякам нашего Главнокомандующего, объявил Польшу королевством и королем назначил родственного ему принца, женатого на кн[яжне] Радзивилл¹. Наши тоже не уступают и обещают будто бы на этой неделе издать Высокий акт о восстановлении Польского крулевства. Я бы в качестве поставщика сенсационных известий поведал бы миру, что российский император предлагает королевский престол в Польше бельгийскому королю [Альберту], которого только что лишили Бельгии. Своим геройским сопротивлением Германии он покрыл себя неувядаемой славой и, значит, вполне достоин польской короны...

5 августа. Сегодня состоялся традиционный Высочайший выход из Кремлевского дворца в Успенский собор и в Чудов монастырь. Народу в Кремле собралось множество, но могло быть и больше. Ура кричали усердно, но не особенно воодушевленно. Опять скажу, как и вчера, — слишком стали все серьезны. В блестящей линии кортежа была умилительно грустная картина, обращавшая на себя особое внимание: наследника [Алексея] — десятилетнего прелестного мальчика — нес на руках его дядька. В прошлом году говорили и писали, что он совсем вы-

¹ Это не более, чем слух. Пруссия только в конце 1915 г. попыталась инициировать создание марионеточной, но формально независимой Польши во главе с эрцгерцогом Карлом Стефаном в качестве короля. Однако Австрия выступила против, поскольку изначально предполагала инкорпорировать входившие в Российскую империю польские территории в состав коронной земли Королевство Галиции и Лодомерии с Великим княжеством Краковским, то есть в свой состав. Карл Стефан не был женат на княжне Радзивилл, но постоянно жил под Краковом и имел широкие связи в среде польского дворянства: его дочери были замужем за князьями Иеронимом Радзивиллом и Ольгердом Чарторыйским.

здоровел, а вот теперь стало нам всем очевидным, что у него с ногой опять что-то неладное...

8 августа. † Что-то недоброе творится на белом свете: война, кончина Папы Пия X и солнечное затмение¹. Вести с войны скорее неблагоприятные для нас и наших соратников. Бельгийцы поспешно отступают, и немцы уже заняли Брюссель. Германцы и австрийцы несомненно наступают и на Россию, с каждым днем все энергичнее. Близится, должно быть, день величайшей «кровоавой потехи». О действиях англичан еще что-то ничего не слышно, французы тоже все еще только собираются «наступить, разбить или обойти» немцев. Газеты наполнены всем надоевшими сообщениями о зверствах немцев, об их притеснениях мирных русских, французов и поляков. Для чего это пишется, когда всякий знает, что немцы теперь и нас обличают таким же манером.

Вот теперь Его Святейшество Папа Пий X предстал перед Небесным престолом и не знает, как оправдать себя как Верховного пастыря католиков. Вся его паства перессорилаь и льет огромными потоками христианскую кровь...

Мне показалось, что и сегодняшнее затмение солнца (в Москве почти полное, т[о] е[сть] на $\frac{9}{10}$) было какое-то невеличественное и сердитое. Дул ветер, лил порывами дождь, а грязные темные облака то и дело закрывали серп солнца, лишенный голубого фона, на котором эффект затмения представил бы незабываемое зрелище. Таким, по крайней мере, было оно в апреле 1912 г.

Сегодня, вопреки разным обывательским слухам и предположениям, царь и его семья уехали из Москвы, не ознаменовав чем-нибудь особенным свое посещение Первопрестольной. И встреча, и проводы, и выход, и речи царя, и речи, сказанные ему, — все это было заурядно, как бы в приезд не такого исторического значения. Вызваны были французский и английский послы [Палеолог и Бьюкенен], ожидали Манифестов величайшего и гуманнейшего содержания. Думалось, что знаменитое воззвание Главнокомандующего к полякам будет в присутствии таких исключительных свидетелей, как послы Франции и Англии, подтверждено царским словом, но ничего этого не случилось и, пожалуй, правы те поляки, которые не верят ни нашим лестным для них обещаниям, ни немецким. Вспомнишь некрасовскую песенку: «Хорошо было детинушке сыпать ласковы слова, да трудненько Катериношке парня ждать до Покрова»...

¹ Папа Римский Пий X скончался 7(20) августа, а солнечное затмение состоялось 8(21) августа.

Был у меня сегодня один запасной из вольноопределяющихся. Если верить ему, у нас и теперь мобилизация происходит шероховато. Некоторые вновь формируемые команды по два, по три дня не получают пищи, а про лошадей и говорить нечего — с ними совсем не церемонятся... насчет квартирного довольствия тоже плохо: собрали, например, 150 вольноопределяющихся, людей большей частью интеллигентных, и дали им помещение для ночлега 70 человек и отпустили вместо коек стог соломы. Устраивайтесь как хотите, и это в Москве! Каково же в пути до театра войны и там на рубеже страшных дел?

А гг[оспода] офицеры (профессионалы) довольны по горло. Штаб-офицерам, например, дают по 3500 р[ублей] подъемных и платят тройное жалованье. Само собой, что для них выгоднее, если война затянется по возможности подольше. Если Господь сохранит их живыми и здоровыми, то ведь такое положение их буквально обогатит. Другое дело солдатик, в особенности из запасных. Позади разоренное дело или хозяйство, встревоженная семья, для которой каждая минута войны бесчисленных ожиданий и самых ужасных переживаний, а впереди недоедание, грязь, простуда, тоска, страх раны, смерти и т. п. Боже Премногомилостивый! Сжался над несчастными воюющими миллионами людей! Пусть генералы и офицеры получают за мирную деятельность хоть в десять раз больше, чем за военную, а не наоборот.

9 августа. Продолжаю заносить в свою летопись, к великой своей скорби, чаще всего только огорчительные новости. Вчера Государь послал к раненым, привезенным в Москву с запада, своего генерал-адъютанта, чтобы тот передал им его «всемиловитейшее пожелание» скорейшего выздоровления и возвращения в строй. Нечего сказать — утешил! Людей уже искалечили, но домой не отпускают, хотят их починить и снова поставить под вражеские пули. Выходит, что с одного вола две шкуры дерут.

Утешительными новостями угощают нас летучки-телеграммы: крупным шрифтом морочат читателей — либо об геройстве казака Козьмы Крючкова, убившего своей пикой 11 немцев и получившего 76 ран и Георгия¹, либо об изумительном подвиге какого-то другого ловчака, убившего троих немцев и взявшего двух — живьем. Но на этих же

¹ В бою у деревни Александрово близ польского городка Кальвария казачий разъезд (4 чел.), в составе которого был Крючков, разгромил немецкий кавалерийский отряд (27 чел.). В этом бою Крючков лично зарубил шашкой и заколол пикой 11 чел. Он получил первый в эту войну Георгиевский крест (№ 5501). Эта история была широко разрекламирована, и Крючков превратился в народного героя; его изображения помещались на открытках, лубках, папиросных и конфетных коробках; его именем называли пароход.

злосчастных страшилках преподносятся и такие поразительные известия, которые печатаются уже мелким шрифтом, как не стоящие особого внимания читателей: «Немцы поспешно отправляют в Германию из Домбровского района каменный уголь и собирают в полях польский картофель». Малограмотному читателю, или квасному патриоту, пожалуй, эта «поспешность» покажется приятной как доказательство надвигающейся нужды у немцев в собственных угле и картошке, но мне, тоже не совсем грамотному и тоже патриоту, видится в этом целый ужас для нашего Отечества: мы в обратных воинских поездах везем с запада раненых, а немцы с востока наше или польское богатство...

10 августа. В газетах официальное сообщение об успехе наших войск на восточном театре войны. Мы заняли несколько небольших немецких городков, по направлению к Кенигсбергу. Германцы будто бы отступают после трехдневного боя, в котором участвовало их и русских не менее 300 000 человек. «За благом всегда идут печали». И лично я не очень еще торжествую, думая, что завтра придется прочитать, что после успешного наступления мы должны «по тактическим соображениям» отступить...

Пока что, но мы еще продолжаем провожать из Москвы бесчисленные поезда «с пушечным мясом». Сегодня уехал со своей 53-й артиллерийской бригадой наш добрый приятель — полковник Андрей Владимирович Кисляков. И офицеры, и солдатики, и лошадки чувствуют себя бодро, но провожающие и преимущественно женщины терзают и себя, и своих близких неистовыми воплями. Утешить их невозможно никакими доводами. Сжался над ними, Господи! Не дай сбыться их недобрым предчувствиям!

11 августа. Зараза объявления войны распространяется: вчера Япония объявила войну Германии.

12 августа. В общем безотрадно: кроме Калиша, Ченстохова — должно быть, уже в немецких руках и Петроков и Лодзь. Утешают нас тем, что эти пункты мы и не намеревались защищать и там, дескать, только небольшие неприятельские отряды. Однако наши тамошние помпадур¹, полиция и банки давным-давно сбежали оттуда, предоставив там хозяйствовать немецким полковникам или майорам, которые знают свое дело — развешивают на присутственных местах германские флаги, с колоколен расстреливают наши аэропланы и собирают с горожан «дань», или контрибуцию...

¹ Помпадур — администратор-самодур; выведен М. Е. Салтыковым-Щедриным в рассказе «Помпадуры и помпадурши».

Французы из Лотарингии сделали «осаже», бельгийцы, видно, совсем устали, вся их доблесть расшиблась о немецкую массу, а про англичан ничего неизвестно ни на морях, ни на суше.

Ко всему этому опасаемся, как бы Турция и Румыния не присоединились к нашим врагам, а за ними, глядишь, и Италия вступит в Тройственный союз^I, так как при такой комбинации все шансы уже будут на стороне Германии и Австрии и, следовательно, для Италии будет очень выгодно подслужиться немцам как наиболее сильной стороне.

13 августа. Очень нехороши вести о наших союзниках: французы везде отошли к своим границам, официально уже сообщается о громадных потерях и о том, что, к сожалению, следующие схватки произойдут на французской территории. Наконец, храбрый бельгийский генерал Леман, защитник Льежа, взят немцами в плен^{II}.

14 августа. В связи с «девятидержавной» войной во Франции образовался левый Кабинет исключительного состава: Министр-президент Вивиани, [министр] юстиции Бриан, [министр] иностранных дел — Делькасе, военный [министр] — Мильеран, [министр] финансов — Рибо, [министр] колоний — Думер[г] и что особенно знаменательно: социалисты Гэд и Самб^{III} также получили портфели. Сотрудничество их с Брианом и Рибо — это поразительное объединение А. И. Гучкова с Пуришкевичем, оказавшимися на совместной службе у «Красного Креста».

Как человек суеверный, оплевываясь, записываю, что наши войска очень успешно продвигаются в Восточную Пруссию. Обойдя сеть Мазурских озер, они приближаются к Кенигсбергу. На Австрийском же театре войны — стремимся к Львову, хотя почему-то до сего времени терпим присутствие тевтонцев в Польше — в Калишской, Люблинской, Келецкой, Радомской и Петроковской губерниях.

У границ Франции назревают великие события. На днях, должно быть, произойдет там такая битва, которая или откроет немцам дорогу в Париж, или заставит их очистить Бельгию и попятиться в свой Фатерланд^{IV}.

^I Что имеет в виду автор, понятно, однако в Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) Италия вступила в момент его создания в 1882 г. А вот в начале войны в 1914 г. она уклонилась от вступления в войну на стороне Германии и Австро-Венгрии, тем самым сделав союз бессмысленным.

^{II} Генерал-лейтенант Жерар Леман был тяжело ранен и захвачен в плен немцами без сознания еще 2(15) августа.

^{III} Имеются в виду Жюль Гед и Марсель Сенба.

^{IV} Vaterland (нем.) — Отечество, Отчизна.

Несомненные успехи у сербов. Австрийцам от них досталось как следует. Ожидается вторжение сербов в австрийские владения. Все молятся и ждут побед каждый своему оружию, но лучше бы молиться всем «о мире всего мира».

16 августа. Если я уже отметил некоторые миллионные пожертвования раненных, то нельзя пропустить молчаливым пожертвование 1 миллиона А. В. Коншиной^I и 1 миллиона Московским городским кредитным обществом^{II}.

19 августа. Начался второй месяц войны. Первый оказался безусловно тяжелым как для нас, так и для союзников. Бельгия разгромлена, Франция накануне осады Парижа; над ним уже витают немецкие аэропланы и цеппелины; Англия, Сербия, Япония и Черногория пока еще топчутся на своих местах, и Бог их знает, что делают их войска и флот. Все, что было сообщено про их действия, — вовсе уж не так значительно, чтобы сказать про них, что они побеждают.

После нашего якобы победоносного шествия к Кенигсбергу и ко Львову сегодня утречком вся Россия прочла официальное сообщение, что: «Вследствие накопившихся подкреплений, стянутых со всего фронта, благодаря широко развитой сети жел[езных] дорог, превосходные силы германцев обрушились на наши силы. Около 2-х корпусов подверглись самому сильному обстрелу тяжелой артиллерией, от которой мы понесли большие потери. Генералы Самсонов, Мартос, Пестич и некоторые другие чины штаба погибли»^{III}...

А вчера еще военный обозреватель «Русского слова»^{IV} — В. Михайловский рисовал наши дела в Восточной Пруссии в розовом для нас свете и озаглавил свою статью «Начало конца», и вчера еще мне хотелось спросить его: начало чьего конца?..

^I Исправлено автором на: «А. И. Коншиной».

^{II} Московское городское кредитное общество, существовавшее в 1862-1917 гг., было негосударственной конторой, занимавшейся ипотечным кредитованием. Общество являлось также крупным московским благотворителем.

^{III} Имеется в виду поражение 2-й русской армии генерала А. М. Самсонова в ходе Восточно-Прусской операции (в немецкой историографии в сражении при Танненберге) 26-30 (13-17) августа 1914 г. Из упоминаемых автором генералов Самсонов покончил жизнь самоубийством, а генералы Е. Ф. Пестич и Н. Н. Мартос не погибли, а были взяты в плен.

^{IV} «Русское слово» — общественно-политическая ежедневная газета, выходившая в Москве в 1895-1918 гг. и с 1897 г. издававшаяся И. Д. Сытиным. Придерживалась либеральных взглядов и была самой массовой газетой страны.

Вообще наша печать положительно запутала нас своими измышлениями, а чаще всего своей бестактностью. Ругают на все корки противников, рисуют ужасы их военных приемов и зверств даже с мирными людьми. Дают коротенькие репортажи о наших и французских великих поражениях и многословно кричат о единичных подвигах наших казаков и какого-нибудь офицера, героически павшего впереди своего маленького отряда.

Уж лучше бы молчали, а то ведь и днем покоя не дают: выпускают за день 6–7 листов, собирают бесчисленные трехкопеечные монеты и преподносят измученному ожиданиями читателю в общую бочку дегтя и ложку меда.

Со вчерашнего дня, по Высочайшему повелению, Петербург переименован в Петроград. Конечно, это в связи с событиями последнего месяца, но надо признать, что момент для переименования выбран очень неудачно. Оно или запоздало, или сделано преждевременно. Сейчас народу не до восприятия таких узконароднических идиллий.

21 августа. Сегодня в газетах под пышными заголовками «Разгром Австрийской армии» приведена телеграмма главнокомандующего [великого князя Николая Николаевича] к Государю о том, что армия генерала Рузского под Львовом, после семидневного боя, повергла австрийскую армию к отступлению. Неприятель понес громадные потери и оставил много пленных и орудий.

Россия ликует, и дай Боже, чтобы завтра мы прочли уже о взятии Львова, а не о том, что вследствие того-то и благодаря тому-то мы вынуждены отступить и т. д.

А из Франции вести пока безотрадны, германцы уже только в 70 верстах от Парижа и чудный, великолепный Париж — столица столиц, готовится к ближайшей встрече с врагом. Там объявлена диктатура — диктатор военный губернатор Парижа Галлиени. Правительство и правительственные учреждения переехали в Бордо.

В Москву везут ежедневно тысячи раненых. Общественная помощь кипит. Собраны миллионы рублей, десятки тысяч людей врачуют раненых и ухаживают за ними... Пошли грустные вести и о павших воинах. Нет, кажется, дома или семьи, где бы не было уже несчастья. Вот мой чудесный дружок, милый старичок Владимир Алексеевич Протопопов, проводил на войну двоих своих сыновей и об одном уже получил печальную весть, что его нет в живых. В сильнейшей степени скорблю о нем и думаю теперь о десятках других воинов, которых война позвала для того, быть может, чтобы я с ними уже никогда не встре-

тился. А между ними есть мои родственники, товарищи, ученики и добрые знакомые. Большею частью все семейные, честные люди. Искренно молюсь, чтобы Судьба сжалилась над ними и вернула бы их всех по домам невредимыми и славными. Запишу-ка я фамилии тех вояк, которые особенно близки мне. Если кого на этот раз пропущу, то вспомню в другое время. Служебное положение в войсках у них самое разнообразное — от рядового до полковника. Вот они — мои голубчики¹:

Илья Петрович Окунев
Михаил Андреевич Колесов
Николай Иванович Королев
Николай Андреевич Князев
Дмитрий Андреевич Ковалев
Николай Александрович Тырышкин
Николай Васильевич Мальцев
Андрей Владимирович Кисляков
Николай Сергеевич Корзинкин
Василий Васильевич Смирнов
Алексей Иванович Кузьмин
Александр Петрович Зайцев
Николай Александрович Кузнецов
Владимир Андреевич Бирюков
Владимир Васильевич Богородский
Петр Акимович Дроздов
Андрей Иванович Алексеев
Владимир Федосьевич Фадеев
Андрей Васильевич Широков
Иван Николаевич Лаврентьев
Семен Иванович Никитин
Василий Дмитриевич Давыдов
Ив[ан] Ив[анович] Анисимов
Сергей Максимович Разнотов
Леонид Иванович Правдин
Владимир Николаевич Пестриков
И. П. Подлипчук
Леопольд Оттович Даугау
Алексей Васильевич Волков
Семен Васильевич Смирнов

¹ Перечисленные ниже фамилии в именной указатель не внесены, поскольку о них крайне мало информации для идентификации.

Василий Дмитриевич Нижегородцев
Михаил Михайлович Тьедер
Федор Харитонов
Алексей Окунев (однофамилец мой)
Павел Михайлович Кашин
Иван Гаврилович Абросимов
Николай Алексеевич Зотов
Василий Сергеевич Трифонов
В. Н. Нагорнов
Александр Григорьевич Немцев
Б. А. Бунин
Павел Сергеевич Крашенинников
Всеволод Павлович Левиков
Василий Михайлович Шилов

Много и других, но те уже просто знакомые, с которыми поддерживалось только шапочное знакомство. Впрочем, и им от души желаю здоровья и счастья, как и всему воинству.

22 августа. Вчера в 11 ч[асов] утра Львов взят Русским, а Галич Брусиловым. Отныне эти генералы зачислены в герои и оба награждены Георгиями¹.

Все это было бы очень хорошо, если бы мы знали, что и в Восточной Пруссии у нас благополучно, но, к сожалению, оттуда что-то ничего не пишут с того самого злосчастного дня, в который погиб Самсонов.

Папой Римским избран кардинал Иаков Делла-Киеза^{II}, вступивший на трон под именем Бенедикт XV.

23 августа. † Погиб на войне молодой москвич В. Л. Зимин^{III}. Он хотя и не попал в список призванных, который я составил третьего дня, но я должен отметить это печальное событие, потому что я хорошо знал его покойного отца и знаю его брата и дядей.

27 августа. Сегодня «сороковой» день нашей войны с немцами. Известия со всех театров войны скудны и сбивчивы. Одно только достоверно, что в последние дни происходят величайшие битвы. Жертвы стали насчитываться десятками тысяч. Оно и видно: такая масса раненых

^I Н. В. Рузский 23 августа получил сразу орден Св. Георгия 4-й и 3-й степеней, а А. А. Брусилов только орден Св. Георгия 4-й степени.

^{II} Джакомо делла Кьеза.

^{III} В. Л. Зимин выбыл из списков погибших 11 августа 1914 г.

прибывает в Москву, что не дай Боже. Город и земство, а также всякие другие организации буквально завалены ранеными и уже вопиют к гражданам: берите кто может раненых братьев к себе по домам, и многие так и делают.

В Москве собрано уже не менее одиннадцати миллионов рублей, в том числе дало биржевое общество около семи миллионов. Кружечный сбор, происходивший 21/22 августа, дал около 325 000 р[ублей]. В то же время в Петрограде собрали только 172 000 р[ублей]. Вот как наша Москва отличается! В Петрограде Царствующий дом, высшие: аристократия, бюрократия и плутократия, но что-то не слышать, чтобы там пожертвования сыпались в таком же изобилии, как в Москве.

29 августа. В этот день Русская церковь поминает «воинов и всех за веру и отечество а брани убиенных» и празднуется «Усекновение главы Иоанна Предтечи». В кондаке^I на этот день^{II} между прочим говорится: «Да рыдает Иродиа, беззаконное убийство испросивши: не закон бо Божий, ни живый век возлюби, но притворный, привременный». <...> Да рыдают теперь и Вильгельм и все другие «власть предержавшие», ибо они беззаконное, страшное, неслыханное и неимоверное сейчас творят убийство. Народы к этому непричастны, и падет вся ответственность за это беззаконие только на них — законодателей притворных, привременного века!..

1 сентября. Сегодня^{III} преподнесены утешительные известия о полном якобы разгроме русскими австрийских галицийских армий, о взятии сербами Землины^{IV} и о молодецком отпоре германцев от Парижа, и сегодня все это подтверждается даже в еще более ликующих версиях, но зато сообщают, что немцы в Восточной Пруссии стали нас оттеснять к нашей границе и что армия генерала Ранненкамфа^V глубоко обхвачена немецкими силами.

Как бы не огоршили нас завтра известиями еще более при-
скорбными. Всего можно ожидать.

2 сентября. Официально сообщают, что армия генерала Ранненкамфа в полном составе выведена из трудного положения и заняла

^I Кондак — краткое песнопение, прославляющее Господа, Богородицу или святого, стихотворная проповедь к конкретному церковному празднику.

^{II} Исправлено автором на «праздник».

^{III} Исправлено автором на «Вчера».

^{IV} Немецкое название сербского города Земун (ныне в составе Белграда).

^V Имеется в виду П. К. фон Ренненкамф.

исходные позиции, а также то, что в Австрии русские войска перешли через реку Сан.

Германские войска во Франции поспешно отступают.

Генерал Радко Дмитриев, прославившийся в войну Болгарии с Турцией как даровитый полководец, был до настоящей войны болгарским посланником при русском дворе, но потом принял русское подданство и вступил в ряды нашего войска. Он уже успел настолько отличиться в качестве командира корпуса в армии Брусилова, что его наградили Георгием 4-й степени¹.

9 сентября. Опять плохо: сербы из Землины ушли, а вернее они там и не были. Немцы как будто приостановили отступление из Франции; того и гляди опять начнут наступать. На Австрийском фронте, по-видимому, особых перемен нет. Должно быть, к австрийцам прибыли германские подкрепления, и наши карабкаются к Карпатам что-то уж очень медленно. Но хуже всего в Восточной Германии: наш штаб похвально тем, что, отступая оттуда, наши войска «не оставили врагу ни одного пуда хлеба и ни одного фунта фуража, чего нельзя было с собой захватить, то сожжено, а от нашей пограничной станции пущен полным ходом целый поезд без машиниста и прислуги, в расчете что он произведет на линии железной дороги страшные опустошения». Но ведь это не более, как детская игрушка^{II}, стоило ли даже сообщать об ней? Как бы то ни было, генерал Ранненкамф получил высокое одобрение «за успешное отступление»^{III}...

Кажется, что этот прославленный герой дважды уже побит немцами, а счастья русскому воинству, должно быть, не принесет. Могли бы для борьбы с немцами поставить во главе армий, соприкасающихся с Восточно-Прусским фронтом, генерала с русской фамилией, а не с такой явно немецкой. В широких кругах что-то недолюбливают этого полководца, да и у меня, грешного, что-то не лежит к нему сердце.

^I Р. Д. Радко-Дмитриев был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени 30 августа 1914 г. за успешные действия против австрийцев на Гнилой Липе и при взятии Николаева.

^{II} Исправлено автором на «...штука. Что такое для великой войны крушение одного поезда!».

^{III} П. К. Ренненкампфу удалось не допустить казавшегося неминуемым окружения и вывести части 1-й армии из-под удара превосходящих немецких войск. В то же время генерал, который стал известен своими действиями в Русско-японской войне и подавлением восстаний в ходе революции 1904-1905 гг., подвергся масштабной травле со стороны либеральной прессы и общественности, обвинявшей его в том числе в том, что он «продался противнику», подтверждением чего якобы является его немецкая фамилия.

10 сентября. По официальным данным, на Галицийском театре русскими взято у австрийцев по 1 сентября 64 000 пленных и около 700 орудий, а сколько мы отдали того и другого германцам и австрийцам? Про то пока знает один только Бог.

Немцам как будто мало тех несомненных успехов, которые они имели во Франции, Бельгии и России, и омрачают свое победоносное шествие проявлениями крайнего вандализма. Не успели успокоиться от разрушения ими бельгийского Лувена^I, как вспыхнуло всемирное возмущение над расстрелом исторического Реймс[с]кого собора^{II}, дивного архитектурного произведения, благополучно существовавшего^{III} [во] Франции более 700 лет.

Русские войска взяли в Австрии Ярослав, но зато германскими подводными лодками потоплено три английских крейсера (в Северном море), и кроме того, они же повели энергичное наступление на Лодзь и Ковно.

13 сентября. † Ошеломлен известиями о гибели на войне двух близких мне офицеров — капитана В. Ф. Фадеева и прапорщика Н. А. Тырышкина. Первый — зять М. К. Кашиной, второй — внук и сын лучших друзей моих. Оба были молоды и погибли геройски. Тырышкин даже был награжден уже Георгием 4-й степени^{IV}. Вечная им память, а плачущим о них — душевного утешения.

16 сентября. Очень грустные слухи о моем хорошем знакомом В. А. Бирюкове. Был он в качестве прапорщика на Австрийском фронте и участвовал в сражениях, и его Господь миловал. Но вот когда началось наступление ко Львову, то полк, в котором был Бирюков, настолько переутомился, что люди и лошади буквально падали от уста-

^I Лувен (фр.) или Лёвен (нидерл.) — город в Бельгии. В августе 1914 г., после того как жители города обстреляли германских солдат, немецкая артиллерия подвергла город разрушительному артобстрелу, в ходе которого были разрушены университетский комплекс (со всемирно известной библиотекой) и значительная часть исторического центра.

^{II} Собор Реймской Богоматери (*Notre-Dame de Reims*) в одноименном городе, построенный в XIII — начале XIV в. и считающийся одним из наиболее выдающихся готических соборов мира. Собор сильно пострадал во время обстрелов немецкой артиллерии 17–19 сентября, вызвавших сильный пожар. В то же время заявления прессы Антанты о превращении его немцами в руины не соответствовали действительности, хотя урон был нанесен большой, а ряд оригинальных витражей и скульптур был утрачен полностью.

^{III} Исправлено автором на «украшавшего».

^{IV} В. Ф. Фадеев погиб 20 августа 1914 г.; приказом от 13 января 1915 г. он был посмертно награжден орденом Св. Георгия 4-й степени, а вот сведений о награждении этим орденом Н. А. Тырышкина не обнаружено.

лости. Свалился и Бирюков с лошади, а потом и она упала и придавила ему голову. Взяли его в полевой лазарет, а затем отправили в Москву вместе с ранеными. В пути с военным поездом произошло крушение, разбилось два вагона, и Бирюков получил еще повреждение ноги. Следовательно, был на войне, воевал там, но изувечился не на войне...

17 сентября. † В газетах прочитал, что пал в бою прапорщик Б. Я. Лейн¹. Надо полагать, что это сын моего старого приятеля Якова Васильевича Лейна. Лейны немцы — саратовские колонисты. Вот судьба! — может быть, Лейн погиб от пули или сабли тоже какого-нибудь Лейна, только германского подданного, а не русского.

Германский флот стал показываться у Виндавы. (Ого!)

Сербы вновь заняли Землин, но надолго ли?

Давно что-то не было особенно серьезного ни у нас с немцами, ни у них с французами, но, должно быть, на этих днях услышим что-нибудь такое, перед чем побледнеют все бывшие военные операции. Это затишье не к добру!

18 сентября. Еще печальнее для меня известие: убит сын моего старого приятеля Александра Эммануиловича Александрова.

19 сентября. Начинается третий месяц войны. Видно, что он не будет последним: война несомненно затянется, а перед началом ее все говорили, что она продолжится два-три месяца — не более. Немцы заранее кричали, что они 20 августа войдут в Париж, а затем всеми силами набросятся на Россию. Может быть, так и будет, но только не скоро...

21 сентября. Вчера Государь выехал на театр военных действий. Что даст его приезд нашей армии? Сделается ли от того еще храбрее и выносливее? Врага это событие, конечно, не напугает, а нашим войскам, пожалуй, будет еще хлопотливее: надо его встречать, провожать, подтягиваться, кричать ура, играть гимн, охранять. Стратегам нашим его присутствие на театре войны едва ли поможет, — он в военном искусстве ничем себя не проявил: когда был наследником, мы, слава Богу, не воевали, а в Японскую войну он только провожал войска, напутствуя их образками и коротенькими шаблонными речами. Но, может

¹ Сообщение о гибели Б. Я. Лейна оказалось ошибочным, на самом деле он был контужен и взят в плен немецкими войсками.

быть, его личное присутствие принесет нам военное счастье? тогда да будет так!..

А как раз сильно зашевелились немцы: отчаянно дерутся с французами и напирают на нас в Сувалковской и Ломжинской губерниях. Наши сильно упираются и местами отбрасывают немцев до пограничной черты. Все мы в тревожном ожидании чрезвычайных событий, которые приблизят роковую для нас или для наших союзников развязку, а может быть, дрогнет как следует и враг наш — «венгро-немец»...

23 сентября. Уехал к войскам и Пуанкаре, президент Французской республики. И этот, конечно, не в качестве стратега, а только для «церемониала», но вот Вильгельм Германский, тот с первых дней войны снует то в Бельгию, то во Францию, то к границам России. Видно, сам командует своими полчищами.

24 сентября. Должен же я увековечить в своей летописи германского генерала Клука, сражающегося с французами и англичанами. О нем вот как с месяц пишут ежедневно: то он окружен, то разбит со своей армией, то он сдался, то он еще не сдался, но положение его критическое, то он бежит. Ну, одним словом, не было ни одного дня, когда бы этого бедного Клука не разбивали и не «пленяли», но он, как видится, жив и постреливает себе в своих неприятелей.

Сегодня в Москве первый небольшой морозец. Говорят, на войне погода за последние дни отвратительная. Дожди и холод. Люди и лошади по уши в грязи, не этим ли объясняется неуспех немецкого вторжения в Россию. Наша русская грязь и Наполеону не нравилась, кажется, он назвал ее пятой стихией¹.

25 сентября. † Услыхал, что погиб в бою мой родственник (сын моего двоюродного брата) Андрей Иванович Алексеев. Он служил в гвардии, чуть ли в Кавалергардском полку. Помяни его Господи во Царствии твоём, а скорбящую о нем мать утешь и благослови! Ни жены, ни детей у него не было.

26 сентября. Насчет Антверпена что-то стали писать тревожно: немцы подступили к нему вплотную и бомбардируют 42-сант[иметровыми] орудиями, перед которыми не устояли ни Льеж, ни Намюр,

¹ В приписываемых Наполеону словах речь идет не о России, а о Польше: «В Польше же Бог сотворил пятую стихию — это грязь!»

ни Мовеж¹. Поразительно, что бельгийцам французы и англичане «в минуту жизни трудную» еще ни разу не помогли, а это так нужно бы для моральной цели. Все «тактические соображения», но удар, т[о] е[сть] уступи раз-другой, но не до бесчувствия...

27 сентября. И наш царь, и президент Французской республики [Пуанкаре] уж возвратились по домам.

28 сентября. † Вчера скончался румынский король Карл. Хотя ему было за семьдесят, но он, вероятно, пожил бы еще, если бы не эта злосчастная война. В последнее время он не знал, что делать ему: общественное мнение в Румынии было против тевтонцев, а он сам был тевтонцем.

Вчера же немцы вошли в Антверпен. Будто бы бельгийцы не оставили там ни одного солдата, но все же великолепный город и перво-классная крепость стали достоянием Вильгельма. Теперь он вправе ликовать вместе со своей нацией. Что же осталось теперь от мужественной, но несчастной Бельгии?

30 сентября. † Скончался в Вильне раненный германцами на Восточном фронте князь Олег Константинович^{II}, сын велик[ого] кн[язя] Константина Константиновича. Молодому герою было всего только 22 года...

День скорбных известий: взорван германской подводной лодкой наш крейсер «Паллада». Весь экипаж погиб^{III}.

Немцы, должно быть, вместе с австрияками громадами наступают к Иван-Городу^{IV} и к Варшаве. Наступают роковые дни, еще какое-нибудь для нас крупное поражение — и пиши пропало, тогда мы совсем оброем и спасуем перед Вильгельмом.

^I Имеет в виду город Мобёж во французском департаменте Нор, на франко-бельгийской границе.

^{II} В бою 27 сентября близ деревни Пильвишки в районе Владиславова «при следовании застав нашей передовой кавалерии были атакованы и уничтожены герм. разезды. Частью немцы были изрублены, частью взяты в плен. Первым доскакал до неприятеля и врубился в него» Олег Константинович. В конце стычки один из раненых немецких кавалеристов, уже находясь на земле, выстрелил в князя и ранил его. Через 3 дня князь скончался, а 28 сентября он был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени.

^{III} Броненосный крейсер «Паллада» был торпедирован германской подводной лодкой U-26 в устье Финского залива 28 сентября; он затонул в течение нескольких минут, погибли 597 человек.

^{IV} Ивангород — ныне город на северо-западе России, в Ленинградской области.

2 октября. Вот и Покров прошел, а он символ русских надежд вообще и для войны в особенности. Все почему-то ждали, что к Покрову война окончится, а Меньшиков, публицист «Нового времени»^I, так тот даже ~~наверняка предупредил~~^{II} своих читателей ~~о конце войны~~^{III} к этому дню обязательно закончится. Между тем с Покрова-то начались только самые страшные битвы. Сегодня к вечеру выпускаются телеграммки с намеками, что немцы уже под Варшавой, а днем ходили слухи, что она горит, что там паника — все бегут и что над ней летают Цепел[л]ины... Ужасные немецкие осадные пушки и эти Цепел[л]ины, кажется, сделают сдачу Варшавы неминуемой, и она, к великой нашей скорби, близка^{IV}.

4 октября. Еще германская победа: подводная лодка в Немецком море потопила английский крейсер «Хок»^V.

Левобережная Польша, т[о] е[сть] отделенная от Привислянских губерний течением реки, — вся в руках немцев.

7 октября. Известия с войны очень скудны, но несомненно, что в эти дни происходит что-то страшное: если сейчас кто и побеждает, то с огромными потерями и без надежды на решительный успех. Все больше и больше вероятия, что война затянется до будущего года.

...А Клук, раз тридцать разбитый, окруженный и сдавшийся — все постреливает во французов.

9 октября. Может быть, я и не угадал: дела наши, по последним сообщениям, почти блестящи. Немцы от Варшавы принуждены отступить, и наши войска начали наступление по всему фронту, оперирующему в левобережной Польше. Ура, ура!

10 октября. Москва молебствует и звонит в колокола по случаю отступления немцев от Варшавы, а по-моему, всякое ликование надо бы

^I «Новое время» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге/Петрограде в 1868–1917 гг. и долгие годы возглавлявшаяся А. С. Сувориным. С одной стороны, позиционировалась как либеральная, но критиковалась левыми как реакционная и проправительственная.

^{II} Исправлено автором на «определенно осведомил».

^{III} Исправлено автором на «что война».

^{IV} Позиция автора характерная для «образованного общества», читателей либеральной прессы, но несмотря на его уверенность в скором падении Варшавы, немецкие войска вошли в город только 19 июля (1 августа) 1915 г.

^V Британский крейсер «Хоук» (*Hawke*) был потоплен немецкой подводной лодкой U-9 1(14) октября в Северном море; погибли 525 человек.

отложить до того времени, когда Калиш, Лодзь, Петроков, Радом, Кельцы и Ченстохов будут опять в наших руках.

11 октября. Московские черносотенцы, если тут действовали члены общества «За Россию»^I, или просто уличные хулиганы одержали блестящую победу над магазинами с вывесками фамилий Мандль, Эйнем, Гаррах, Вюстер, Беллер, Риферт и т. п. Вдребезги разбиты громадные окна-витрины, исковерканы вывески, сняты гербы и испорчены товары, — одним словом, произведено полное бесчинство, и, по-видимому, полиция смотрела на это сквозь пальцы^{II}. Все это случилось «благодаря», т[о] е[сть] после молебствия на Красной площади, состоявшегося вчера по случаю отражения неприятеля из-под Варшавы. Большинству москвичей сделалось стыдно за такое проявление «патриотизма». В конце концов эти фирмы остановят свое производство, и тогда десятки тысяч русских рабочих останутся без заработка. Нужно бы раньше бороться с немецким засильем и не такими варварскими приемами, а собственной предприимчивостью и коммерческим бойкотом.

17 октября. Как-то я назвал войну «девятидержавной», со вчерашнего дня она уже десятидержавная: подошли турецкие крейсера к Феодосии и к Новороссийску, постреляли в эти города и исчезли. Впрочем, попутно утопили два небольших парохода «Русского общества»^{III}. Наши морские ротозеи, должно быть, не разобрались еще, что это — война Турции с Россией или германская провокация. Во всяком случае, на Черном море ожидаются события первостепенной важности.

Одна беда никогда, должно быть, не приходит: сегодня же стало известно, что в Тихом океане потоплен в бою с германским крейсером «Эмден» наш крейсер «Жемчуг», причем половина экипажа погибла. Нельзя не отметить неутешительную деятельность этого «Эмдена» и его капитана фон Мюллера. Еще до «Жемчуга» он затопил массу англий-

^I Общество «За Россию», созданное в августе 1914 г., выступало с антинемецких позиций, заявляя о разрушении немцами устоев русского общества. Общество призывало Государственную думу искоренить «все проявления германской культуры в России, подавляющие русский дух и насилующие русскую самобытность», а правительство усилить борьбу с «земельным и торгово-промышленным немецким засильем», в том числе конфисковать земли немецких колонистов.

^{II} 10 октября московские студенты, призванные в армию, и рабочие разгромили магазины австрийских подданных Л. Мандля и А. Круппа и несколько торговых точек кондитерской фабрики «Эйнем». Однако до масштабного погрома дело не дошло.

^{III} Имеется в виду Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ).

ских торговых кораблей¹, применяя к делу удивительно ловкие маневры и хитрые приемы вроде постановки на крейсере 4-й фальшивой трубы и украшения себя английским или японским флагом.

После отступления немцев от Варшавы вспомнили, что у нас есть своя «Бельгия» — Царство Польское, разоренное военными действиями, и дружно заговорили о помощи ей материально. К частным пожертвованиям примкнул и царь, отпустив из личных средств 200 000 р[ублей] в помощь пострадавшим полякам, и царица-мать [Мария Федоровна], отсыпавшая на этот предмет... пятьсот рублей... (!?)...

19 октября. Сегодня начинается четвертый месяц войны. Она делается для меня невыносимо тягостной и отвратительной: † в конце третьего месяца ее, т[о] е[сть] 17 октября трагически погиб в Петрограде мой лучший и многолетний друг Игнатий Францевич Корженевский, погиб не на войне и не от войны, а благодаря несчастной случайности: попал под трамвай... Царствие ему небесное, прощение грехов и вечная память! Моя душа и сердце искренно скорбят о нем и будут тосковать о его безвременной и страшной кончине до конца моей жизни...

20 октября. Только теперь пишут, что турецкие суда обстреливали и Одессу, и Севастополь. Война с Турцией не объявлена, но дипломатические сношения с ней прерваны как Россией, так и Францией.

Турецкое правительство заявляет, что ее флот лишь маневрировал в Черном море и что во время этих маневров русский флот внезапно атаковал их, что и заставило турок отстреливаться. Кажется, что это не так — правильнее, что самим туркам еще не хотелось воевать с нами, но они вынуждены были начать военные действия с Германией.

С сухопутных театров войны вести для нас пока удовлетворительные. Немцы отступают и уже очистили Лодзь и Петроков. На море же германцы творят чудеса. В европейских водах ихняя подводная лодка затопила еще один английский крейсер — «Гермес»^{II}, и лихой «Эмден» продолжает свои молодецкие набег на английский торговый флот и остается сам неуязвимым.

^I Немецкий бронепалубный крейсер «Эмден» (*Emden*) был одним из самых успешных рейдеров Первой мировой войны. Действуя в Индийском океане, он до своей гибели 27 октября (9 ноября) 1914 г. захватил 23 торговых судна, потопил русский крейсер «Жемчуг» и французский миноносец «Мушкет» (*Mousquet*).

^{II} Британский бронепалубный крейсер «Гермес» (*Hermes*) был потоплен в Дуврском проливе 18(31) октября немецкой подводкой U-27; погибли 44 человека.

Французы в компании с англичанами и бельгийцами все еще не могут изгнать из своей земли немцев, и знаменитый Клук, давным-давно «разбитый и окруженный», нет-нет да и постреляет...

Сербы и черногорцы, как видится, не очень ретиво воюют. Что-то от их «победоносного» шествия вперед нет еще осязательных результатов, и Землин и Сараев пока в руках австрийцев.

Японцы также еще ничего не сделали против немцев.

Что-то даст теперь четвертый месяц войны? Пошли, Боже, чтобы он был последним!

21 октября. Обнародован Высочайший манифест о войне с Турцией, а кавказским войскам приказано перейти турецкую границу.

Наступили морозы, доходящие в Москве до 14 градусов. Холодно бедным солдатикам. В прежние войны хоть водкой подогревались, а теперь она с 17 июля строжайше запрещена¹. Казенки закрыты, и пьют только в ресторанах 1-го разряда, да и то не во всех. Одним словом, Россия стала трезвая; говорят, что и после войны казенного вина уже не будет. Станут торговать только виноградным вином да пивом крепостью не более 4-х градусов. Слов нет, трезвость — большое подспорье в государственном порядке. Оттого и мобилизация прошла спокойно и нищеты не так заметно, как было раньше. За что хорошее не возьмутся, все оказывается наваяно японцами. Вот она, «желтая опасность», как пугал Вильгельм когда-то, — в сущности, это не опасность, а спасение «белого» человечества, извратившегося и спившегося до пределов крайности...

Если мы победим, то нам нужно благословлять Японскую войну, если б нас тогда не поколотили, то в настоящую войну мы погибли бы окончательно.

22 октября. Государь опять поехал на театр военных действий. Пуанкаре также во второй раз разъезжает по своим войскам. Должно быть, это предшествует крупным событиям. Поживем — услышим...

23 октября. Англо-французская эскадра приступила к бомбардировке Дарданелл.

¹ Торговля алкоголем была прекращена с 19 июля 1914 г. на время мобилизации, 9 августа запрет на продажу на вынос всех спиртных напитков, кроме виноградного вина, продлен до 1 сентября, а 22 августа был наложен запрет на продажу спирта, вина и водочных изделий для местного потребления вплоть до окончания войны.

Немцы отступают к своим границам; Кельцы и Сандомир заняты нашими войсками.

Кавказские войска вторглись в Турцию и заняли несколько турецких селений, в том числе и Баязет.

26 октября. Сегодня исполнилось 100 дней, как Вильгельм II воюет с Россией, а его отец император Фридрих царствовал всего-навсего 100 дней¹.

Циньдао — германский порт на Дальнем Востоке — взят японцами. Кажется, Япония уже сделала то, чего добивалась, т[о] е[сть] завладела теперь китайскими колониями Германии, и роль последней в водах Тихого океана закончена.

Русские газеты иронизируют, что немцы «украли» Лодзинскую железную дорогу, т[о] е[сть] собрали все рельсы, шпалы, стрелки, водокачки и прочие железнодорожные принадлежности этого пути и увезли к себе в Германию. Но ведь это лишний раз свидетельствует, что они не дураки и извлекают от войны всевозможную пользу. Наши бы только разрушили такое богатство, если бы оно досталось нам в немецких владениях, т[о] е[сть] взорвали бы путь, мосты, водокачки и воспользовались бы разве только подвижным составом.

28 октября. Из описаний царского путешествия по войскам стало видно, что кроме Верховного главнокомандующего у нас имеются два главнокомандующих — Южно-Западной армией генерал Н. И. Иванов и Северо-Западной^{II} — генерал Рузский, и оба уже награждены теперь Георгиями 2-й степени^{III}. Что касается Георгиев, то теперь 4-я и 3-я степень раздаются очень щедро, и я уже не отмечаю эти награды.

29 октября. Подробно пишут, как 19 октября у берегов Чили германский флот бился с английским и уничтожил без особого для себя урона два английских крейсера, а может быть, и три...

Но зато знаменитый океанский разбойник «Эмден» наконец попался, на него была сделана целая облава судами французского, ан-

^I На самом деле 99 дней.

^{II} Имеются в виду главнокомандующие армиями Юго-Западного и Северо-Западного фронтов.

^{III} Н. И. Иванов был награжден орденом Св. Георгия 2-й степени 1 октября «в воздаяние отличного выполнения... блестящих боевых операций, приведших к занятию... австрийской области Восточной Галиции», Н. В. Рузский — 22 октября «за победоносное отражение австро-германских армий, веденных на Варшаву».

глийского и русского флота. Он затонул в Индийском океане; экипаж частью погиб и частью взят в плен.

Что же никак не поймают до сих пор Клука?.. Он все еще стреливает...

30 октября. Герой «Эмдена» Мюллер взят англичанами в плен.

С французского фронта все пишут, что там идут упорные бои. Что-то уж очень долго не дают немцам настоящего отпора, видно, что они там очень сильны.

Наши дела в Галиции что-то давно без шумных результатов: по времени не только Перемышль, но и Краков должны бы быть нашими, но Михайловский и Оглин (военн[ый] обозреват[ель] «Русск[их] ведом[остей]»¹) предполагают, а Бог располагает...

На Северо-Западном фронте наши войска опять забрались к Мазурским озерам, но как бы «опять» чего не вышло из такого путешествия. Впрочем, Ранненкампа теперь там нет, кто-то другой уже командует наступлением в Восточную Пруссию^{II}, и, авось, этот другой будет счастливее Ранненкампа.

31 октября. Сегодня для нашего брата — пьющего москвича — «последний нонешний денечек», ибо с 1 ноября по Думскому постановлению и в силу распоряжения градоначальника [Адрианова] всякие винные, спиртные и пивные напитки не будут продаваться ни в лавках, ни в ресторанах, ни в клубах. Будут попивать хмельное зельице только те запасливые люди, которые еще до войны наспрятали себе разных домашних настоечек. Теперь пожелания о скорейшем окончании войны будут еще искреннее и единокорнее, потому что пьющих людей на Руси больше, чем непьющих, а как война закончится, так и опять возобновится всероссийское пьянство.

4 ноября. «Положение без особых перемен», как пишут французы в продолжение целых месяцев. В общем, может быть, «без перемен», а в частности с переменами к худшему: сербы отступают и уже не хвалятся своими победами, а это дает понять, что австрийцы далеко еще не разгромлены русскими... Турки дерутся с нашими, как видится, очень

^I «Русские ведомости» — ежедневная общественно-политическая газета, издававшаяся в 1863–1918 гг. в Москве; являлась ведущей газетой московских либеральных кругов и земства, неофициальный орган правых кадетов.

^{II} Общее руководство операцией осуществлял главнокомандующий армиями Северо-Западного фронта генерал от инфантерии Н. А. Рузский. В целом его действия не были «удачливее», чем у Ренненкампа.

энергично, и, надо полагать, что наше вторжение в пределы Турции приостановлено ими с первых же дней... Официальное сообщение нашего Главного штаба начинается сегодня описанием, как искусно отступали немцы, сделав позади себя пути сообщения настолько испорченными, что, пока мы исправляли их, они уже успели оправиться и пополниться и местами, между Вислой и Варном^I, перейти даже в наступление...

Государь побывал в Ивангороде, Люблине, Гродне и вернулся домой, не ознаменовав свое второе посещение театра войны чем-либо выдающимся, кроме посещения лазаретов и раздачи крестов и медалей... В то же время в газетах промелькнуло известие, что Франц-Иосиф пожертвовал в Венгерский военный фонд пять миллионов крон. Это будет, пожалуй, посущественнее прогулок по тылу армии...

7 ноября. Сегодня в Москве первый санный путь и новый городской голова М. В. Челноков (из стаи тех кандидатов, которые до войны не утверждались вследствие принадлежности их к кадетской партии).

Между Вислой и Вартой, а также в районе Ченстохов — Краков идут бои, почему-то называемые «встречными»... Заметно все-таки, из последних известий, что немцы не унывают. Между прочим, опять бомбардировали незащищенную Либаву.

На Черном море наш флот чуть было не потопил турецкого крейсера (немецкого происхождения) «Гебена» и сделал ему серьезные повреждения.

12 ноября. Новостей крупных нет, но они назревают около Лодзи, где наши дают отпор новому наступлению немцев.

Много пишут о случайном пленении варшавского губернатора барона Корфа^{II}. Но это беда невелика, пускай сидит себе у немцев — сам ведь немецкого происхождения.

В Москве объявлена реквизиция перца и молотого, и в горошек, и в стручках. Никто не поймет, для чего это: для продовольствия армии или для употребления его в каких-нибудь завоевательных целях?..

15 ноября. Британский флот постигло крупное несчастье: в устье Темзы взорвался от самовозгорания запасов пороха броненосец «Бульворк»^{III} и погиб почти со всей своей командой, коей было на нем

^I Имеется в виду река Варта.

^{II} Слух не подтвердился.

^{III} Британский линкор додреноутного типа «Оплот» (*Bulwark*) взорвался 13(26) ноября близ Ширнесса; погиб 741 человек.

более 700 человек. Обидно потерять столько людей и такую боевую морскую единицу, как броненосец, у себя дома и от домашних причин, в то время когда они готовы были не сегодня-завтра сразиться с врагом и, может быть, победить его.

18 ноября. Сегодняшним днем заканчивается четвертый месяц войны. К концу его распространились упорные слухи о том, что немцы под Лодзью потерпели страшное поражение. Говорили даже, что два корпуса армии Гинденбурга попали в так называемый стратегический «мешок» и пленными нашими, но слухи эти вчера уже опровергнуты нашим Главным штабом, который не отрицает наших последних успехов, но заявляет, что Лодзинские сражения еще продолжаются, т[о] е[сть] надо понимать так: погодите, мол, ликовать, как бы дело не пришло другого оборота.

Странно еще, что этот Гинденбург произведен Вильгельмом в фельдмаршалы¹. Неужто такая награда дана за поражение? Что-нибудь одно, или это провокация или наша новая и крупная неудача.

Кроме Завислянкой Польши, дело идет еще у Кракова. Там за полмесяца ноября взято в плен австрийцев 50 000 человек, но это не мешает им, т[о] е[сть] австрийцам, очень энергично напирать на Сербию, которая, по всем признакам, уже накануне полного захвата ее австрияками.

Англо-французские войска за последний месяц ничего не сделали утешительного для себя. Ясно, что эта коалиция слабовата перед германским фронтом. Вообще России очень трудно воевать с такими могучими военными державами, как Германия, Австрия и Турция, и если французы с англичанами не вспыхнут, может быть, временно припрятанной силой, то война будет и длинна и, пожалуй, для нас непобедоносна. Впрочем, посмотрим, что даст грядущий пятый месяц войны.

19 ноября. † Скончался в Москве управляющий пароходством «Самолет» Сергей Александрович Пестриков, мой ближайший начальник и покровитель. Да упокоит его Господь в селениях своих праведных и простит ему земные прегрешения! Покойный любил пожить как следует, но душа у него была добрая и характер ласковый. Я знал его в продолжение 15 лет и всегда пользовался его благорасположением. Вечная ему память!

Наш Государь и английский король выехали из своих резиденций в действующие армии.

¹ Это произошло 14(27) ноября 1914 г.

24 ноября. Видно, Гинденбург недаром получил фельдмаршала. Вопреки всем русским предположениям он не только не разбит, но, должно быть, здорово бьет наших. У Лодзи идут отчаянные битвы, и похоже на то, что она опять попала в руки немцев.

Что-то в третью поездку Государь на западе не задержался и едет теперь на юг. Уже есть описания его заезда в Харьков, кажется, что он направляется на Кавказ, т[о] е[сть] едет поднимать настроение против Турции, с которой дела дальше Баязета пока не двигаются.

25 ноября. В конце тринадцатого листа сего дневника должен вписать две прискорбные новости: Белград занят австрийцами, а Лодзь — германцами. Все это предвещает, что война будет очень продолжительна и с каждым днем ожесточеннее.

27 ноября. Вчера скончался министр народного просвещения Л. А. Кассо, прославившийся в мирное время войной с общественным мнением, которое не переносило его за реакционную политику.

Сербы дали наступавшим австрийцам неожиданный отпор, равный разгрому двух корпусов. Благодаря этому возникает предположение: не сдали ли они Белград австрийцам, чтобы заловить их и разгромить на своей территории.

Наконец можно поздравить с крупной морской победой англичан: без потери судами и с небольшими жертвами в своих командах они потопили в Атлантическом океане у берегов Чили Фалькландских¹ островов три германских крейсера — «Шарнгорст», «Гнейзенау» и «Лейпциг» и захватили два угольщика. Большинство команды немецких судов погибло^{II}.

29 ноября. Дополнительно сообщают, что у Фалькландских островов погиб еще один германский [легкий] крейсер — «Нюрнберг».

3 декабря. Английская подводная лодка потопила в Дарданеллах старый турецкий броненосец «Мессудиз».

Белград опять перешел к сербам.

Государь из Тифлиса ездил в Карс, а там дальше на автомобиле к тылу армии, действующей против Турции. Тем временем Государыня [Александра Федоровна] с двумя старшими дочерьми [Ольгой и Татья-

^I Имеются в виду Фолклендские острова.

^{II} В этом бою 25 ноября (8 декабря) погибли ок. 2110 немецких моряков, спасено всего 212 человек.

ной] приехала в Москву и в костюмах сестер милосердия разъезжают по лазаретам. Эх, если бы вместо своих личных трудов по этой части они бы жертвовали побольше денег на учреждение лазаретов и вообще на нужды, вызываемые войной!.. Говорят, что ведь это самые богатые люди в России, а, однако, пожертвования их не исчисляются миллионами, как некоторых частных лиц¹...

9 декабря. Вчера вечером съехалась в Москву вся царская семья: Государь и Государыня приехали из Воронежа в сопровождении двух старших дочерей [Татьяны и Ольги], а наследник из Царского Села — с младшими сестрами [Марией и Анастасией].

Но возвращение Пуанкаре и французских министров в Париж много знаменательнее. Видно, что немцы попятнулись и не грозят уже Парижу. Они, должно быть, несколько корпусов войск, стоявших во Франции, перевезли в Польшу, где опять покушаются на Варшаву.

Последние сообщения штаба [Верховного] главнокомандующего говорят о каких-то перемещениях войск, о сокращении фронта, но вместе с тем намекают, что эти перемены невынужденные, а принятые свободным усмотрением военачальников. Но как бы не было, давно уже нет хороших вестей ни с германского, ни с австрийского фронта. Не двигается дело и с Турцией. В Эрзерумской области будто бы более 30° мороза, и, конечно, там не до битв.

Англия низложила Египетского хедива [Аббаса II] и объявила под своим протекторатом весь Египет и назначила султаном Гуссейна^{II}, дядю низложенного хедива. Последний находится в Турции и едва ли мирится с такой метаморфозой своей страны.

13 декабря. Вчера по новому стилю день Рождества Христова, и вот когда поется «Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение» — гремят страшные выстрелы, льется потоками человеческая кровь. Перед праздником были, впрочем, разговоры о соглашении воюющих держав на одновременное однодневное перемирие, но пришел Великий праздник и не внес в военные действия никакой передышки. Везде

¹ За годы войны царская семья пожертвовала личных средств на сумму ок. 200 млн рублей. Как пишет И. В. Зимин в книге «Царские деньги. Доходы и расходы семьи Романовых» (М., 2013), на 1 мая 1917 г. у царской семьи было: в процентных бумагах — 12 110 600 рублей; на текущих счетах — 358 128 рублей 27 копеек, наличными — 3083 рубля 42 копейки. Общая сумма: 12 471 811 рублей 69 копеек.

^{II} Имеется в виду Хусейн Камиль. 23 октября (5 ноября) британские власти сместили хедива Аббаса II, а 6 (19) декабря ликвидировали оккупированный ими Египетский хедиват и образовали Египетский султанат.

дерутся — на всех фронтах, и ничто не останавливает обезумевших полководцев, ни Знамение времени, ни морозы, ни бесчисленные потери, ни разорение мирных людей. Впрочем, они оправдывают свои разрушительные и неустанные подвиги стремлением к цели всеобщего разоружения...

Вон и Жоффер сказал, когда его поздравили по случаю награждения его особой медалью: «Вздор это — вздор. Все теперь — вздор, кроме одного спасения отечества»... Но ведь и Клук постреливает все для той же цели.

Вчера Государь уехал из Москвы в действующую армию (на Запад), а Государыня с детьми — в Царское Село.

Вот это вздор — все эти разъезды, но перемирие для празднования Рождества Христова было бы не вздором, а многомиллионным вздохом к Вышнему, кратким мигом на земле и смирением ожесточившегося человечества.

19 декабря. На Западе начало нового 1915 г., а на войне начало ее шестого месяца. Будем временно утешать себя, что торжественные обещания Вильгельма встретить Новый год в Варшаве — не исполнились. За последние дни особенных новостей нет нигде. Мы по-прежнему напрягаем свои усилия около Кракова, а немцы — около Варшавы. Перемышь от Австрии отрезан совершенно, окружен русскими, но все еще держится. Французы немного зашевелились и как будто сдвигают понемногу Клука и подобных ему поближе к Фатерланду. Турки наступают на наш Ардаган, но не стремительно. Флоты повсюду молчат или за непогодой (бури, стужа), или стерегут друг друга минами да подводными лодками.

22 декабря. Царь уже возвратился домой, т[о] е[сть] в Царское Село.

Англичане потеряли в Ламанше броненосец «Формидабль». Из команды спаслось только 170 человек. Причина гибели броненосца точно не установлена: не то мина, не то подводная лодка¹.

Турки, должно быть, здорово полезли на нас; Тифлис что-то забеспокоился, и оттуда жители начали разбегаться.

23 декабря. Французы и К^о опять затихли. Видно еще, что действующие против них германцы не настолько еще ослабели, чтобы дрогнуть под их натиском.

¹ Британский броненосец «Грозный» (*Formidable*) был потоплен 19 декабря 1914 г. (1 января 1915 г.) немецкой подводной лодкой U-24; погибли 547 моряков, спасено 47.

Последние известия с Русско-турецкой войны говорят, что наши войска «занимают Ардаган». Ага! Значит, он уже был в руках турок, и, следовательно, нас там вздули как следует¹.

24 декабря. Официальное сообщение: наши войска одержали победу над турками у Сарыкамыша. Один из турецких корпусов разбит, а другой в полном составе взят в плен.

В Москве сегодня завернул настоящий «рождественский» мороз — 21 градус по Реомюру.

31 декабря. Праздничная неделя прошла без особых новостей. На всех фронтах лишь стрельба и небольшие штыковые стычки в защиту крепко занятых позиций. Ни с чьей стороны нет движения «вперед» настолько значительного, чтобы стои[ло] писать о них длинные реляции.

Насчет поражения турок, не было ли в нашем официальном сообщении преувеличения: позднее стали писать, что пленных турок взято 7000 человек. Разве это целый корпус?..

Эту победу окружает что-то недоговоренное. Почему, например, не известили нас, а кто же так командовал русскими войсками, не Воронцов же Дашков, кавказский наместник и главнокомандующий [Кавказской армией], находящийся в Тифлисе и имеющий что-то больше 80 лет. И почему в списке наград не значится ни одна крупная награда, которая свидетельствовала бы, что действительно произошло что-то блистательное. Впрочем, генерал Никита Баташев получил Георгия 3-я степени за храбрые действия против неприятеля, но против какого — не оповещено. Может быть, он на Западном театре войны, а не на Турецком^{II}.

Ну вот прошел и четырнадцатый год. Испытания продолжают уже 166 дней, из них большинство «горькие», врагу, конечно, не добраться до Волги, но его кони давно уже пьют воду в русско-польской Висле, и Бог знает, уйдет ли он когда из Вислянского края, в котором он

^I 12 (25) декабря 1914 г. турецкий отряд (ок. 30 тыс. человек) разбил три Кубанских пластунских батальона и взял Ардаган, однако 21 декабря 1914 г. (3 января 1915 г.) отряд генерал-лейтенанта Н. М. Истомина выбил турок (потерявших 500 человек убитыми и 900 пленными) с их позиций. Трактовка этого события «нас там вздули как следует» — в стиле либеральной печати, старавшейся даже в успешных действиях русских войск видеть просчеты командования.

^{II} Н. М. Баташев был 2 января 1915 г. награжден орденом Св. Георгия 3-й степени за бои 24–30 августа 1914 г. под Городком, то есть в Галиции. За Сарыкамышскую операцию орденом Св. Георгия 4-й степени были награждены, например, генералы Н. Н. Юденич (13 января 1915 г.), Г. Э. Берхман (26 июля 1916 г.), М. А. Пржевальский (13 января 1915 г.), полковник Н. А. Буркетов (2 февраля 1915 г.) и др., то есть наград было достаточно много.

основался, как видится, очень крепко. Доблестная, но несчастная Бельгия, а также часть Франции в тевтонских руках, и если мы еще в Галиции и в маленьких пограничных пространствах Турции и Восточной Пруссии, то такое завоевание не компенсирует нам наших утрат.

Какая это ужасная война! Что войны Александра Македонского, Наполеона и Русско-японская в сравнении с этой! Там считали общую массу стоящих друг против друга борцов сотнями тысяч, а тут миллионами! И сейчас уже невозможно исчислить все потери людей, а сколько их будет за всю войну, которая, как видится, протянется еще несколько месяцев. Если со всех сторон к 1 января 1915 г. погибло и искалечено 3 672 000 человек, что будет не преувеличено, а скорее приуменьшено, то выйдет что в каждую военную минуту гибнет не менее 15 человек. Подсчет кажется верен: с объявления Австрией войны Сербии прошло 170 дней, или 4080 часов, равных 244 800 минутам, и вот, помножив последнюю цифру на 15, получим именно 3 672 000 человека.

А сколько через эту утрату — страданий, горя, вдовства, сиротства, разорения и нищенства.

Немеет язык, мутится разум и дрожит рука, тщетно старающаяся записать все ужасные события несчастного четырнадцатого года. Да скроется он в мглу веков и никогда да не повторится. Боже Всемогущий и Многомилостивый, образумь враждующих — примири их и прости, всех почивших на поле брани упокой и сопричти к своему небесному воинству, а вдов, сирот и раненых награди земными радостями и исцели.

Быть может, правители народов знают уже наперед, что даст им это неизмеримое кровопролитие всеобщее разорение, тогда те из них, которые ведут свой народ к безусловному конечному поражению, могут ли быть сравнены с самыми тяжчайшими преступниками, когда-либо существовавшими на белом свете. Остановитесь, безумные, исчезните, как дым, вы не люди, а исчадие ада!

Прудон говорил: «Пускай погибнет родина, а человечество будет спасено». Не сказать ли лучше: «Пусть погибнут тронувшиеся тронные люди, и человечество будет спасено!»...

Н. П. Окунев

**В ГОДЫ ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ
Дневник московского обывателя
1914–1924**

Редактор *К. А. Залесский*
Художественное оформление *М. А. Миллер*
Корректор *Л. В. Куртова*
Компьютерная верстка *Е. М. Илюшиной, В. В. Забковой*

ООО «Издательство «Кучково поле»
Москва, 119071, ул. Орджоникидзе, 10, оф. 2-11
Тел.: (495) 256 04 56, e-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 26.10.2020.
Формат 165×235 мм. Печ. л. 61.
Тираж 1000 экз. Заказ № 6880

ISBN 978-5-907171-20-6

Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»
Филиал «Чеховский Печатный Двор»
142300, Московская область, г. Чехов, ул. Полиграфистов, д. 1
Сайт: www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, тел. 8(499)270-73-59